

Житецкий П. И.

К истории
литературной русской
речи
в XVIII веке.

Житецкий П. К истории литературной русской речи в XVIII веке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903. – Т. 8. – Кн. 2. – С. 1-51.

8102
-332
Р. С. П. С. Р.
Ленинградский Городской
Отдел Народного Образования

СРЕДНЯЯ ШКОЛА
№ 82

ПЕТРОГРАДСКИЙ РАЙОН
194

№
Г. ЛЕНИНГРАД
Петроградская ул. 214
тел. В-2-26-98, В-2-25-97А.

Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в.

21425
Нельзя сказать, чтобы все было ясно въ этой исторіи. По-видимому, она не вышла еще изъ сферы одностороннихъ наблюденій и сомнительныхъ обобщеній. И это не только въ вопросахъ второстепенныхъ, но даже и въ вопросѣ о Ломоносовѣ, какъ организаторѣ разнообразныхъ стихій литературной русской рѣчи. Такъ, недавно высказано было мнѣніе о немъ, что, «изучивъ тонко московскій выговоръ интеллигенціи того времени, онъ изобразилъ намъ его въ своихъ произведеніяхъ. Источникомъ его языка является, такимъ образомъ, болѣе «живой» [московскій] говоръ, чѣмъ его какіе бы то ни было «теоретическія» положенія, которыхъ мы однако не отрицаемъ вовсе, но придаемъ имъ ничтожное значеніе¹⁾. Мы не знаемъ, что именно авторъ разумѣетъ подъ «теоретическими» положеніями: по всей вѣроятности, то же, что и мы, т. е. извѣстныя воззрѣнія Ломоносова на отношенія церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи къ русскимъ народнымъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ согласиться съ нами, что литературная рѣчь, созданная Ломоносовымъ, не мыслима безъ этимологической основы, которая навсегда осталась въ ней, какъ руководящее начало, преобладающее надъ живыми говорами. Собственно говоря, Ломоносовъ не выду-

1) Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка, Е. Будде (Журналъ М. Н. Пр., 1898, мартъ, 176).

малъ этой основы, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ творчествѣ ея она имѣла «ничтожное значеніе». Она была сильна силою литературнаго преданія, которое прочно установилось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, причинавшихъ участіе въ просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго на сѣверѣ Россіи.

Въ замѣткахъ нашихъ мы остановимся прежде всего на этомъ преданіи, какъ исходной точкѣ развитія литературной русской рѣчи.

Еще во второй половинѣ XVII вѣка представители югозападной учености начали оказывать замѣтное вліяніе на ходъ и движеніе умственной жизни въ московской Руси. Оставляя въ сторонѣ богословскія воззрѣнія ихъ, снабженныя аргументаціей схоластической науки, мы не можемъ пройти мимо тѣхъ гуманныхъ и просвѣщенныхъ понятій, которымъ не чужда была югозападная Русь прежде, чѣмъ вошла въ политическое и духовное общеніе съ московской Русью. Однимъ изъ самыхъ живыхъ выразителей этихъ понятій былъ Симеонъ Полоцкій, учитель Царевича Ѳедора Алексѣевича. Нужно отдать справедливость ему, что онъ сумѣлъ въ схоластическую форму вирши вложить содержаніе совсѣмъ не схоластическое. Онъ говоритъ, напри- мѣръ, о «мудрости», т. е. о просвѣщеніи, которая необходима правителямъ для того, чтобы приобрѣсть «благіе нравы», заключающіеся въ томъ, чтобы

«Время подданныхъ крѣпостно носить,
Не презирати, не за псы имѣти»,

чтобы не полагаться на «одинъ свой умъ», ибо

«Во мнозѣ совѣтѣ есть спасеніе,
Въ единомъ умѣ посползновеніе»¹⁾,—

указываетъ своему царственному воспитаннику на нѣкоторыхъ европейскихъ государей, которые сами любили «мудрость» и внушили своимъ подданнымъ любовь къ ней.

1) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 189—190.

Положительно можно сказать, что эти мысли не уступаютъ въ нравственномъ достоинствѣ извѣстнымъ положеніямъ, которыя выражены были вѣкомъ позже въ извѣстномъ «Наказѣ» Екатерины Великой. Недаромъ одинъ изъ образованныхъ современниковъ ея, проникнутый идеями своего времени, епископъ пинегородскій Дамаскинъ, отзывался о Симеонѣ Полоцкомъ, что это былъ «преученый человѣкъ; проповѣди его такъ хороши, что и нынѣ съ поправкою словъ не уступятъ самымъ лучшимъ проповѣдникамъ»¹⁾.

Внушенія Симеона Полоцкаго не остались безъ вліянія. Одинъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго считаетъ Ѳедора Алексѣевича человѣкомъ новыхъ европейскихъ вѣяній. «Елико силы его и здравіе и краткость времени допустили», говоритъ извѣстный Шафировъ въ своей «Дедикаціи», «онъ во введеніи лучшихъ и съ чужестранными народы сходныхъ обыкностей, въ учрежденіи нѣкоторыхъ изрядныхъ зданій и въ перемѣнѣ древней и неудобной одежды раченіе свое о государственной пользѣ показалъ»²⁾. Проходили эти европейскія вѣянія чрезъ югозападную Русь въ лицѣ ея просвѣщенныхъ представителей, которые внушили царю глубокую симпатію къ малорусскому племени. «Преставися», говоритъ позднѣйшій малорусскій лѣтописецъ, «государь царь великій князь Ѳедоръ Алексіевичъ зъ великимъ жалемъ общенароднымъ; сей бо въ милости великой имѣлъ Малороссію и напѣви малороссійскіе по церквамъ повелѣлъ имѣть и одежду малороссійскую великороссіянамъ повелѣлъ - казалъ носить»³⁾.

Недолго жилъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Онъ умеръ на двадцать первомъ году жизни, въ одинъ годъ съ наставникомъ своимъ Симеономъ Полоцкимъ (1682). Три года спустя (1685) кievская митрополія перешла подъ власть московскаго патріарха.

1) Исторія Россійской Академіи, Сухомлинова, 168.

2) Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, 289.

3) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси. Кіевъ, 1888, стр. 32.

Настало время гоненій на людей, которые заражены были пристрастіемъ къ югозападному просвѣщенію, заподозрѣнному въ «единоуміи съ папою и съ западнымъ костеломъ». Запрещены были въ Москвѣ сочиненія лучшихъ представителей малорусской церкви, которые составляли ея гордость и украшеніе. Это было при патриархѣ Іоакимѣ, который соединялъ съ настойчивостію, свойственною великорусскому характеру, добрую долю нетерпимости ко всему иноземному.

Между тѣмъ въ московской Руси давно уже обнаружилось стремленіе къ просвѣщенію. Многіе уже понимали, что въ немъ заключалась обновляющая, творческая сила. Въ концѣ XVII в. трудно было бороться съ этимъ новымъ теченіемъ жизни ветхимъ оружіемъ праотеческихъ преданій, основанныхъ на религіозной односторонности и національной исключительности, — трудно было довольствоваться тѣми крупницами знанія, которыя давала старинная элементарная школа. Стоглавый соборъ требовалъ отъ нея спеціального дѣла: она должна была готовить священнослужителей. Понятно, что она не могла, какъ слѣдуетъ, исполнить своей задачи, не могла вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствоваться при полномъ отсутствіи въ странѣ среднихъ и высшихъ школъ, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ мысли и жизни. Какъ извѣстно, школы эти были заведены на югѣ Руси еще въ концѣ XVI вѣка: въ нихъ собственно и заключалась сила южнорусскаго просвѣщенія, та сила, которую можно было отрицать, но противъ которой нельзя было устоять, — и вотъ, по образцу высшихъ школъ югозападной Руси, устроена была въ 1685 г. Законоспаская Академія въ Москвѣ. Возникла она не вопреки волѣ и намѣреніямъ правительства, какъ возникли югозападные высшія школы. Напротивъ того, она была учрежденіемъ совершенно правительственнымъ, поэтому московской Академіи усвоены были задачи административно-государственнаго свойства: она должна была свидѣтельствовать о религіозномъ направленіи иностранныхъ ученыхъ, пріѣзжавшихъ въ московское государство, судить и карать за перемѣну вѣры; ей

же принадлежала цензура книгъ церковно-религіознаго содержанія. Такимъ образомъ московская Академія являлась не только храмомъ наукъ, но и официальнымъ судилищемъ, предъ которымъ вся югозападная богословская ученость оказалась несостоятельной. Довѣряли въ Москвѣ однимъ только грекамъ испытаннаго православія. Сперва учителями въ Академіи были извѣстные ученые греки — братья Лихуды. На нихъ опирался патриархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ южнорусскими вольнодумцами. Послѣ Лихудовъ не оказалось наставниковъ вполне благонадежныхъ. При патриархѣ Адрианѣ дѣло дошло до того, что некому было учить въ Академіи и сокращены были предметы ученія¹⁾. Чтобы поддержать высшую школу, единственную въ то время во всемъ московскомъ государствѣ, волею-неволею пришлось снова обратиться въ Кіевъ, въ которомъ преобладало западно-европейское образованіе надъ восточно-византійскимъ. Нужно сказать, что это старинное гнѣздо православія еще въ 1686 г. окончательно присоединено было къ московскому государству. Это навсегда рѣшило участь южной Руси, которая чрезъ Кіевъ вступала не только въ политическое, но и въ умственное общеніе съ сѣверною Русью. Отсюда понятна вся неотразимость вліяній южной Руси на сѣверную въ эпоху преобразования Россіи при Петрѣ Великомъ. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе объ этой эпохѣ одного изъ лучшихъ знатоковъ ея Пекарскаго: «при Петрѣ I, говоритъ онъ, русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій — кіевской учености и европейскаго просвѣщенія: кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности»²⁾.

Въ 1700 году, по приказанію Петра Великаго, былъ поставленъ митрополитомъ рязанскимъ игуменъ кіевскаго пустынно-николаевскаго монастыря Стефанъ Яворскій, учившійся не только въ Кіевѣ, но и въ Познани у іезуитовъ, подъ видомъ католика. Чрезъ годъ послѣ этого онъ назначенъ былъ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола и протекторомъ московской

1) Исторія Славяно-греко-латинской Академіи, Смирнова, 79.

2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, 1, 5.

Академіи, въ которой заведены были тѣ же порядки, что и въ кievской Академіи. Не замедлили за это посыпаться на Яворскаго упреки со стороны ревнителей греческаго православія. Патріархъ іерусалимскій Досифей требовалъ отъ него, чтобы онъ слѣдовалъ примѣру патріарха Іоакима, который зорко слѣдилъ за людьми, приносившими «смущеніе въ царствующій градъ», т. е. за иностранцами. Но время уже было не то. Опираясь на поддержку Петра Великаго, Яворскій вступилъ въ литературную полемику съ приверженцами старины и съ церковной каедрой толковалъ о необычныхъ матеріяхъ—о побѣдахъ надъ Шведами, о построеніи Петербурга, о пользѣ флота, о морской торговлѣ и т. п. Долгое время онъ пользовался полнымъ довѣріемъ царя. Ему поручено было даже избирать кандидатовъ въ архіереи на праздна мѣста.

Неохотно однако же ѣхали на сѣверъ представители перваго поколѣнія кievскихъ ученыхъ при Петрѣ Великомъ. Неволею былъ поставленъ въ митрополиты рязанскіе Стефанъ Яворскій. Точно такъ же и другой знаменитый землякъ его Дмитрій ростовскій заболѣлъ отъ огорченія, когда въ 1701 году изъ игуменовъ новгородъ-сѣверскаго монастыря онъ посвященъ былъ въ митрополиты сибирскіе. Чтобы облегчить его участь, царь назначилъ его митрополитомъ ростовскимъ. Есть любопытная замѣтка въ памятной книжкѣ Петра Великаго, объясняющая намъ, почему онъ такъ дорожилъ Дмитріемъ ростовскимъ и его учеными земляками: «написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приписать къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцемъ Ростовскаго съ товарищи»¹⁾. Петру Великому нужны были не только литературныя дарованія, но и популярное имя Дмитрія ростовскаго. Пользовался онъ въ то время извѣстностью не только на югѣ, но и на сѣверѣ Россіи, какъ составитель Четь-Миней—книги, которая и въ настоящее время считается образцо-

1) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, II, 401.

вою въ церковной литературѣ¹⁾. Не входя въ подробную оцѣнку проповѣдей Дмитрія ростовскаго, скажемъ только, что онѣ были изліяніемъ души глубоко искренней и созерцательной. Не отказывался проповѣдникъ и отъ современныхъ ему вопросовъ жизни. Но онъ стоялъ дальше отъ нихъ, чѣмъ Стефанъ Яворскій, который по самому положенію своему иногда обязанъ былъ превращать проповѣдь въ панегирикъ Петру Великому. Нужно сказать, впрочемъ, что оба проповѣдника, связанные между собою общими симпатіями и убѣжденіями, не могли стать на точку зрѣнія Петра Великаго, какъ по вопросу объ отношеніяхъ церкви къ государству, такъ и по другому не менѣ щекотливому вопросу о воздѣйствіи государства на общественную жизнь²⁾. Въ этомъ отношеніи они имѣли свое «святая святыхъ», которымъ дорожили такъ же, какъ спасеніемъ души своей. За годъ до смерти своей (въ 1708 году) писалъ Дмитрій ростовскій Стефану Яворскому: «толико беззаконій, толико обидъ, толико oppressiones вопіють на небо и возбуждаютъ гнѣвъ и отмщеніе Божіе. Sed de his tacendum. Воля Господня да будетъ!»³⁾ На свои литературныя занятія они смотрѣли, какъ на богоугодное и святое дѣло. Побуждая Стефана Яворскаго пересмотрѣть давно написанныя имъ проповѣди и приготовить ихъ къ печати, Дмитрій ростовскій писалъ къ нему, что за это «воздаяніе немало уготовится отъ Бога. Для снисканія славы въ вѣчности никакого тяжчайшаго труда и никакого должайшаго времени желать не должно»⁴⁾. Дмитрій не дожился до открытаго столкновенія съ Петромъ Великимъ, подобно Стефану Яворскому. Умеръ онъ въ 1709 году. Торжественное погребеніе надъ нимъ совершилъ другъ его Стефанъ Яворскій во исполненіе условія, которое было заключено

1) Четь-Миней окончены были въ 1705 году, но первая четверть этого труда (мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь) напечатана была еще въ 1689 г.

2) См. проповѣдь Стефана Яворскаго, сказанную въ день тезоименитства царевича Алексѣя въ 1712 г. См. также слово Дмитрія ростовскаго на Обрѣзаніе.

3) Св. Дмитрій ростовскій и его время, Шляпкина, 423.

4) Тамъ же, 347.

между ними, что тотъ изъ нихъ, кто умретъ раньше, долженъ похоронить умершаго.

Намъ необходимо теперь уяснить одинъ изъ главныхъ вопросовъ нашего изслѣдованія, вопросъ о языкѣ, на которомъ писали малорусскіе писатели въ новой обстановкѣ, среди новыхъ людей, для которыхъ предназначали они свои литературныя произведенія.

Сами они называли этотъ языкъ славянскимъ. Это былъ, по выраженію Симеона Полоцкаго, «домашній» для него языкъ, «оплотъ и огражденіе церкви російскія»¹⁾. Дмитрій ростовскій извѣщаетъ Ѳедора Поликарпова, что онъ хочетъ довести свой лѣтописецъ, «токмо до Рождества Христова, по кое мѣсто влечется ветхозавѣтная писанія святаго исторія, яже въ нашемъ славянскомъ языкѣ ни отъ кого же толкованіемъ изъяснися»²⁾. Ясно, что онъ хотѣлъ писать и сознательно писалъ послavianски такъ, какъ писали на его родинѣ люди, усвоившіе книжную церковно-славянскую рѣчь въ русской редакціи, установленной еще въ началѣ XVII в. Мелетіемъ Смотрицкимъ³⁾.

Высказанное нами положеніе само по себѣ не имѣетъ особеннаго значенія безъ связи съ цѣлымъ рядомъ историко-литературныхъ явленій, касающихся книжной рѣчи въ Великороссіи, какъ до появленія Петра Великаго, такъ и въ эпоху его просвѣтительной дѣятельности.

Сѣверная Русь питала не меньшее уваженіе къ церковно-славянскому языку, какъ и южная. «Гораздо приличнѣе, говорить Зиновій Отенскій, ученикъ Максима Грека, общія народныя рѣчи исправлять книжными рѣчами, ибо низводитъ книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей есть лукавое измышленіе христорбцевъ»⁴⁾. Въ XVI в. такими «христорбцами» были новгородскіе и московскіе еретики, въ XVII в. раскольники. Тѣ и

другіе искали въ текстѣ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ оправданія своихъ мнѣній и такимъ образомъ давали направленіе богословской мысли, такъ сказать, филологическое, поэтому знаніе церковно-славянскаго языка считалось обязательнымъ для тѣхъ, кто искалъ истины.

Откуда же почерпалось это знаніе?

Съ конца XVI в. въ Великороссіи начали появляться буквари, составленные по образцу извѣстнаго виленакаго букваря Лаврентія Зазанія «ку читаню и разумѣню писма славянскаго» (1596 г.). Въ этихъ букваряхъ помѣщались молитвы на церковно-славянскомъ языкѣ, за изученіемъ которыхъ слѣдовало обыкновенно изученіе Часословца и Псалтири. Можно полагать, что это изученіе сопровождалось сообщеніемъ кой-какихъ грамматическихъ свѣдѣній. Главнымъ пособіемъ для учителя служили такъ называемые Азбуковники, въ которыхъ грамматическій матеріалъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Встрѣчаются въ Азбуковникахъ извлеченія изъ грамматики, приписываемой Іоанну экзарху Болгарскому, изъ грамматикъ Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго. Нужно замѣтить при этомъ, что подъ словомъ *грамматика* въ старину разумѣлось очень многое: и знакомство съ частями рѣчи и съ формами ихъ, и стилистическое употребленіе словъ, и разные способы слововыраженія и даже стихосложеніе. Но главное вниманіе въ Азбуковникахъ обращено было на правописаніе словъ. Это былъ своего рода острый вопросъ въ то время, когда грубыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ смущали совѣсть людей благочестивыхъ, сомнѣвавшихся въ возможности спастись по этимъ книгамъ. Даже отдѣльныя изданія богослужебныхъ книгъ снабжались иногда предисловіями грамматическаго содержанія. Такъ, составитель предисловія къ псалтири, изданной въ Москвѣ въ 1645 году, главную силу книжнаго ученія полагаетъ въ правописаніи. Онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія буквы *ѣ* съ *е*, отъ смѣшенія силъ, т. е. надстрочныхъ знаковъ, а также знаковъ препинанія. Ему хорошо

1) Историческая христоматія Буслаева, 1192.

2) Сочиненія Дмитрія ростовскаго, ч. I, 349.

3) Подробнѣе объ этой рѣчи см. нашъ «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія».

4) Исторія русской словесности, Порфирьева, 563.

известна грамматическая терминологія въ той редакціи, какую мы находимъ въ югозападныхъ грамматикахъ. Употребленіе надстрочныхъ знаковъ въ этомъ предисловіи болѣе согласно съ третьимъ (московскимъ) изданіемъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, хотя это послѣднее вышло спустя три года послѣ псалтири. «Аще ли вамъ самѣмъ, обращается составитель предисловія къ учителямъ, нѣсть въ искусствѣ сицевое ученіе, и вы зрите въ самую грамматику»¹⁾. Сообразно съ этимъ взглядомъ въ московской Руси старались писать грамматически правильно славянскою рѣчью. Какъ на югѣ Руси, она считалась украшеніемъ книжной рѣчи и въ этомъ отношеніи противопоставалась простонародной рѣчи. «Аще ли речеть нѣкто о писанныхъ здѣ, говорится въ предисловіи къ повѣстямъ и пословицамъ, записаннымъ въ XVII вѣкѣ, яко не суть писано здѣ отъ божественныхъ писаній, таковой да вѣсть, яко писана многая согласна святому писанію, *точію безъ украшенія*, какъ мирстія жители *простою рѣчію* говорятъ»²⁾. По общему убѣжденію грамотныхъ людей, ключемъ къ этой украшенной рѣчи была грамматика. «Я, говоритъ сама она о себѣ въ предисловіи къ московскому изданію грамматики Мелетія Смотрицкаго, славою честна и ученіемъ красовита, въ устахъ сладка, и на сердца чюдна, и на языкѣ свѣтла»³⁾.

Откуда же всѣ эти чудесныя свойства грамматики? Конечно, изъ языка церковно-славянскаго, поэтому самая идея грамматики, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси, неразрывно сливалась съ идеей книжной церковно-славянской рѣчи. И тѣмъ не менѣе народная рѣчь вторгалась въ самую грамматику. Въ первомъ изданіи грамматики Мелетія Смотрицкаго (1619 г.) мы не видимъ еще особенностей народной рѣчи малорусской, за то въ третьемъ—московскомъ изданіи ея (1648 г.) особенности великорусской народной рѣчи встрѣчаются довольно часто, особенно въ формахъ склоненій⁴⁾. И то еще нужно сказать, что въ элемен-

тарныхъ школахъ московской Руси, пока не появилась въ ней высшая школа, трудно было серьезнымъ образомъ научиться грамматикѣ. Немногіе могли справиться съ церковно-славянскими формами рѣчи: при первомъ движеніи живого чувства, живой мысли, сама собою налетала народная фраза, подмывая и ниспровергая всѣ измышленія книжниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны челобитныя раскольниковъ, писанныя къ царю Алексѣю Михайловичу. Авторами ихъ были люди, близко знакомые съ подробностями исправленія книгъ, а главное—люди старой вѣры, которые желали бы въ текстѣ священныхъ книгъ удержать старую редакцію. Такъ, справщикъ Савватій въ своей челобитной говоритъ: «нравъ по грѣхамъ таковъ у нынѣшнихъ московскихъ грамматиковъ, что новое ни объявится, за тѣмъ и пошли, а старое свое доброе покинувъ». Онъ вооружается противъ употребленія полного прилагательнаго вмѣсто краткаго (*древнѣйшаго* вмѣсто *древнѣйша*), полного причастія вмѣсто краткаго (*сидящаго* вмѣсто *сидяща*), противъ употребленія сложнаго прошедшаго вмѣсто простаго. «Насъ, говоритъ онъ, уничижаютъ, а и сами справщики грамматики не умѣютъ, и обычай имѣютъ тою своею мелкою грамматикою Бога опредѣляти мимошедшими времени... Въ Воскресномъ тропарѣ на Пасху прежде сего печатали: и на престолѣ *бѣаше* Христе со Отцемъ и Духомъ, а нынѣ въ новой Тріодѣ напечатали мимошедшимъ временемъ: и на престолѣ *быль еси* Христе со Отцемъ и Духомъ. Яко же иногда *быль*, иногда *есть*. А сего не разумѣютъ, яко лепо Богу всегда быти»¹⁾. Таковы были теоре-

тельнаго вліянія на русскую редакцію церковно-славянскаго языка, г. Буличъ ссылается на то, что сама она въ московскомъ изданіи подверглась великорусскому вліянію. (Церковно-славянск. элементы въ современномъ литератур. и народномъ рус. языкѣ, ч. I, стр. 405) Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что грамматика Мелетія Смотрицкаго не подвела итога тѣмъ *общерусскимъ* вліяніямъ, которыя оказались въ церковно-славянскихъ книгахъ еще до появленія ея, поэтому мы считаемъ эту грамматику главнымъ источникомъ рѣчи *славянорусской*, очищенной отъ всякой примѣси мѣстныхъ нарѣчій, какъ великорусскихъ, такъ и малорусскихъ. (Подробнѣе объ этомъ см. книгу нашу «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія»).

1) Три челобитныя раскольниковъ. Спб. 1862, стр. 23.

1) Историческая хрестоматія Буслаева, 1087.

2) Тамъ же, 1417.

3) Нашъ экземпляръ.

4) Желая доказать, что грамматика Мелетія Смотрицкаго не имѣла рѣши-

тическія понятія Савватія, источникомъ которыхъ можно было бы назвать особаго рода грамматику—богословскую: по этой грамматикѣ *бѣаше Христе* правильнѣе, чѣмъ *былъ еси Христе*. Савватій, видимо, старается примѣнить эти своеобразныя понятія къ изложенію собственныхъ мыслей, подтянуть рѣчь къ старому церковно-славянскому стилю. Такъ, у него есть: *времены, въ князѣ, учинихъ, поборазъ* и тому подобныя старыя формы, но это, очевидно, старыя заплаты на новомъ платьѣ. Рядомъ съ этими формами встрѣчаются такія выраженія: «уже мнѣ, грѣшному, *несколько жить*»... «а до насъ и послѣ насъ николи съ тобольскихъ ясачныхъ людей ясаку *столна не сбиривали*»... «въ *другорядѣ* я, нищій, стражду при васъ, великомъ государѣ»... «былъ *дьячишомъ* за Илью Бунакова» и т. п.¹⁾

Тѣ же ошибки въ употребленіи церковно-славянскихъ формъ, то же вторженіе народной фразеологіи въ книжную церковно-славянскую рѣчь встрѣчаемъ и въ другихъ великорусскихъ письменныхъ памятникахъ XVII вѣка. Такъ, въ Житіи св. Гурія и Варсонофія: «*случишеса* ему *служити*», «*в плене*», «*наученіе грамоте*»²⁾; въ Моленіи къ патриарху Филарету кн. Шаховскаго: «*умершу* ми *тремъ женамъ*», «*учитель*» (зв. пад.) вм. учителю³⁾; въ Словѣ о Дмитріѣ Басаргѣ: «и видѣша *триста и тридесять* кораблей *стояще*», «*приде* купецъ *плачущи* и *рыдающи*, а сынъ его *играетъ* на корабли *въздяще*», «азъ сего купца сынъ *есми*»⁴⁾; въ Повѣсти о бодрости человѣческой: *человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолю широкому*, «ты меня не *боишься*... *вси цари и князи и власти* меня *боятца*»⁵⁾; въ Судѣ Шемякиномъ: и «*придоша* оба до *нѣкоева* мѣста, *нача* *сказывать* *про лошати*», «и пошли *въ изратъ* на *убогова* *битъ* *челомъ*», «аще

1) Всѣ эти соображенія по поводу раскольничьихъ челобитныхъ мы имѣли случай высказать въ статьѣ своей: «Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ» (Кіев. Старина, 1882, ноябрь).

2) Историческая христоматія Буслаева, 983.

3) Тамъ же, 1047, 1049.

4) Ст. 1347, 1348, 1349.

5) Ст. 1335.

съ мосту мнѣ *броситца*, *ево* не *убьетъ*, а самъ *ушибешися*», «и даде *убоному* *тритцать* *рублей денекъ*»¹⁾. Народныя стихіи рѣчи преобладаютъ въ судебно-дѣловыхъ актахъ²⁾, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича³⁾, въ Курантахъ⁴⁾ въ великорусской беллетристикѣ XVII в.⁵⁾ Особенною цѣльностью народнаго языка отличаются письма⁶⁾, хотя и въ письмахъ встрѣчаются книжныя тяжелые обороты рѣчи, когда нужно было сообщить ей нѣкоторую торжественность⁷⁾.

Такимъ образомъ, въ средѣ великорусскихъ книжныхъ людей во второй половинѣ XVII в. мало было знатоковъ церковно-славянскаго языка, такъ что само правительство должно было наконецъ высказаться въ пользу народной рѣчи. Царь Алексѣй Михайловичъ издалъ указъ, въ которомъ объявилъ, что «будетъ кто въ челобитѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о—а*, или вмѣсто *а—о*, или вмѣсто *з—ъ*, или вмѣсто *н—е*, или вмѣсто *и—і*, или вмѣсто *у—о*, или вмѣсто *о—у*, и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкlostямъ своимъ говорить и писать навикъ, *того* въ безчестье не *ставитъ*»⁸⁾.

Но возможно ли было для малорусскихъ писателей говорить и писать въ Великороссіи «по своимъ обыкlostямъ»?

1) Тамъ же 1444, 1446.

2) См. напр., тамъ же Судное дѣло о табакѣ.

3) Ст. 1101. Екатерина II совѣтуетъ подражать языку этого памятника членамъ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія (См. Исторію российской Академіи, Сухомлинова, стр. 94).

4) Историческая христоматія Буслаева, 1143.

5) См. тамъ же Повѣсти изъ Римскихъ дѣяній, 1405, а также Исторію о российскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ, 1439.

6) Таково, напр., изъ XVI в. письмо вел. кн. Василя Іоанновича къ супругѣ его Еленѣ Васильевнѣ (Историч. христ. Буслаева 758),—изъ XVII в. письмо Ксеніи Борисовны къ теткѣ (ст. 987), вся переписка между патриархомъ Никономъ и Алексѣемъ Михайловичемъ (ст. 1115).

7) См. въ Исторической христоматіи Буслаева переписку Михаила Федоровича и инокини Марѣы съ патриархомъ Филаретомъ.

8) Полное собраніе законовъ, т. I, стр. 1000, № 597.

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ собственныя произведенія ихъ, написанныя церковно-славянскою рѣчью въ той редакціи ея, которая установлена была первымъ изданіемъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, т. е. рѣчью славянорусскою, безъ всякой малорусской окраски. Да и странно было бы обращаться къ великороссіянамъ съ малорусскою рѣчью, въ которой есть слишкомъ много «обыкlostей», непонятныхъ великороссіянамъ. Являясь въ Великороссію съ готовымъ запасомъ литературныхъ произведеній, написанныхъ помалорусски, малорусскіе писатели иногда переводили ихъ на языкъ славянорусскій. Такъ поступилъ еще въ 1670 г. извѣстный проповѣдникъ малорусскій Іоанникій Галятовскій, пріѣзжавшій въ Москву для испрошенія милостыни. Въ проповѣди, произнесенной имъ въ Москвѣ, онъ воспользовался многими мѣстами изъ малорусскихъ «казаній» своихъ, напечатанныхъ имъ въ «Ключѣ разумѣнія», замѣнивъ малорусскія слова и выраженія славянорусскими¹⁾. То же самое видимъ мы и въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ Дмитрія ростовскаго. Такъ, Слово его на день св. Троицы, произнесенное, по всей вѣроятности, въ кіево-кирилловскомъ монастырѣ еще до переселенія его въ Великороссію и написанное книжною малорусскою рѣчью, въ первомъ томѣ сочиненій его напечатано въ славянорусской редакціи²⁾. Любопытно было бы сравнить оба текста, чтобы видѣть самый механизмъ передѣлки книжной малорусской рѣчи на славянорусскую и особенности этой послѣдней, полученные на великорусской почвѣ, если бы имѣть полную увѣренность въ томъ, что это передѣлка принадлежитъ самому автору или кому-нибудь изъ его современниковъ и не подновлена была въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Впрочемъ, судя по аналогіи съ болѣе ранними московскими образцами славянорусской рѣчи І. Галятовскаго, можно сдѣлать вѣроятныя заключенія о стилистическихъ

1) Рѣчи, произнесенныя І. Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г., Эйнгорна.

2) Малорусскій текстъ напечатанъ въ Чтеніяхъ Императорс. общества исторіи и древностей 1884, кн. 2. Можно пожалѣть, что въ печатномъ текстѣ искаженъ подлинникъ массой ошибокъ болѣею частію корректурнаго происхожденія.

пріемахъ, какихъ вообще держались малорусскіе писатели въ подобныхъ случаяхъ.

Такъ, въ лексическомъ отношеніи у Галятовскаго исключены не только польскія, но и малорусскія слова. То же и у Дм. ростовскаго. Слова: *персона, казнодѣй, кунштъ, оказія* замѣнены словами: *лице, учитель, образецъ, случай*; слова: *мовити, ховати, дяковати, зробити, розмова, покора* и т. п. замѣнены словами: *глаголати, хранити, благодарити, дѣлати, разговоръ* и проч. У Галятовскаго вмѣсто малорусскихъ и польскихъ союзовъ стоятъ церковнославянскіе¹⁾, что придаетъ рѣчи совсѣмъ другую физіономію. То же и у Дм. ростовскаго: союзы: *абы, ажъ, але, альбо, гды, еднакъ, же, якъ, хочъ, ще* замѣнены союзами: *дабы, а, но, или, когда и вегда, однако, яко, аки, аще, хотъ, еще*.

Въ грамматическомъ отношеніи въ обоихъ славянорусскихъ текстахъ устранены, конечно, малорусскіе звуки съ правописаніемъ ихъ и формы словъ. Такъ, у Дмитрія ростовскаго вмѣсто *тулко, тылко, о горделивѣтмъ, моглѣ, бичѣ, хто, що, зъ* читаемъ: *только, токмо и точію, о горделивомъ, могли, бичи, кто, что, съ*, — или же вмѣсто *прославмо, слухаймо, научѣмся* — *прославимъ, слушаимъ, научимся*. И тамъ, и здѣсь предпочитаютъ сложнымъ прошедшимъ безъ вспомогательнаго глагола прошедшія простыя церковно-славянскія, — народнымъ формамъ причастія наст. вр. дѣйств. залога съ окончаніями на *чи, чій* формы церковно-славянскія на *а, я, шій* и проч.

Можно ли указать болѣе положительныя слѣды великорусскихъ вліяній въ языкѣ произведеній Дмитрія ростовскаго?

Около девяти лѣтъ авторъ прожилъ въ непосредственномъ общеніи съ великорусскою средой, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ, примѣняясь къ этой средѣ, вводилъ въ литературный оборотъ своей рѣчи тѣ или другія великорусскія слова и выраженія. Такъ, въ славянорусскомъ текстѣ его Слова на день св.

1) Только въ одномъ спискѣ бѣлорусскаго письма есть *ведлузъ*, и то, вѣроятно, по недосмотру.

Троицы мы встрѣчаемъ слова: *азарничество, господинъ, кладовая, шея, собственный, спрашивать*, вмѣсто малорусскихъ словъ, стоящихъ въ малорусскомъ текстѣ: *валство, господарь, скриня, шия, власный, спитати*. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что издатели сочиненій Дмитрія ростовскаго интересовались только содержаніемъ, а не языкомъ ихъ, при чемъ иногда увѣряли читателя, что издають ихъ въ подлинномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, въ изданіи кіево-печерской Лавры (1824 г.), по поводу Діаріуша или Дневныхъ записокъ Дмитрія ростовскаго сказано, что онѣ будто бы печатаются по списку съ книги, «собственноручно писанной» самимъ авторомъ и «принадлежащей кіево-печерской книгохранильницѣ» (309). Между тѣмъ уже митрополитъ Евгеній выражалъ сожалѣніе, что изданъ не подлинникъ¹⁾, который, по свидѣтельству того же Евгенія, недавно (около 1834 г.) пропалъ²⁾. Въ импер. публ. библиотекѣ есть копія съ Діаріуша XVIII вѣка: на половину написана она полатыни и попольски, подъ конецъ ея преобладаетъ рѣчь малорусская и даже великорусская³⁾, между тѣмъ въ кіево-печерскомъ изданіи Діаріуша рѣчь сплошная славянорусская, въ которой встрѣчаются нерѣдко слова великорусскія. Произошло это оттого, что кіево-печерскіе издатели воспользовались переводомъ съ подлинника, сдѣланнымъ еще въ XVIII в. Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ⁴⁾, поэтому мы не можемъ сказать, какіе великорусскіе элементы рѣчи въ текстѣ кіево-печерскаго Діаріуша принадлежатъ автору: яснѣе это видно будетъ, когда издана будетъ копія Діаріуша, о которой мы говорили выше. Съ болѣшимъ довѣріемъ можно относиться къ письмамъ Дмитрія ростовскаго, напечатаннымъ въ томъ же кіево-печерскомъ изданіи. Здѣсь встрѣчаются, напримѣръ, глагольныя формы многократн.

1) Словарь писателей духовнаго чина, I, 129.

2) Св. Дмитрій ростовскій и его время, Шляпкина. 364.

3) Тамъ же.

4) Переводъ этотъ напечатанъ былъ Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоекѣ и потомъ особо въ 1781 г. Помѣщенъ также и при Лѣтописи келейной во всѣхъ трехъ изданіяхъ ея.

вида, несвойственныя малорусскому нарѣчію: *кармливалъ, писывали*, а также слѣдующія великорусскія слова: *кушаю, замѣшавъ, авось-либо, вовся, ли* и проч. Такія и подобныя слова составляли обычную принадлежность эпистолярнаго просторѣчія и у другихъ земляковъ Дмитрія ростовскаго, жившихъ на сѣверѣ. Такъ, въ письмѣ Стефана Яворскаго къ брату читаемъ: *братецъ, маленько, пушай*¹⁾, а въ письмѣ къ Дмитрію ростовскому митрополитъ рязанскій подписывается: «Стіопка Грѣшникъ»²⁾. Въ разныхъ письмахъ Теофана Прокоповича — то же самое: *письмяцо, писаньице, ремеслишко, чернишко, плутецъ* и проч.³⁾.

Была ли угодна славянорусская рѣчь Петру Великому?

Какъ великороссіянинъ по крови, онъ употреблялъ въ личной перепискѣ своей великорусское нарѣчіе. Писалъ онъ, какъ говорилъ, безъ всякой орфографіи, поэтому письма его можно назвать до нѣкоторой степени фотографической копіей великорусскаго московскаго говора. Какъ страстный защитникъ европейскихъ порядковъ жизни, онъ поощрялъ и въ общественной, и въ литературной практикѣ широкое употребленіе иностранныхъ словъ. Дѣло извѣстное, что въ его время люди, сколько-нибудь затронутые европейскимъ образованіемъ, не отличались чувствомъ мѣры въ отношеніи къ иностраннымъ языкамъ: они брали изъ нихъ всякаго рода слова для такихъ представленій и понятій, которыя со всею точностію могли быть выражены соответствующими русскими словами. Наконецъ, какъ организаторъ русской государственной жизни, какъ творецъ государства російскаго въ европейскомъ смыслѣ, Петръ Великій сознавалъ нужду въ такомъ языкѣ, который служилъ бы для всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ его обширнаго государства, органомъ правительственной власти и вмѣстѣ символомъ государственнаго единства. По всему видно, что онъ не чуждъ былъ

1) Черниговскія епарх. вѣдомости, 1861, 330—333.

2) Св. Дмитрій ростовскій и его время, Шляпкина. 421.

3) Труды Кіев. духовн. Академіи, 1865, 295, 298, 302, 307, 310, 545, 599, 609.

мысли считать такимъ языкомъ славянскій языкъ въ той редакціи, которая была принята лучшими писателями его времени. При письмѣ къ Апраксину въ 1707 г. онъ послалъ двѣ книги на латинскомъ языкѣ съ приказаніемъ старцамъ Лихудьевымъ, чтобы они «перевели на *славянскій языкъ*»¹⁾. Правда, нѣсколько отталкивало его отъ этого языка извѣстное недовѣріе его къ церковно-религіознымъ вліяніямъ, въ которыхъ видѣлъ онъ силу, подрывающую авторитетъ государственной власти, но онъ умѣлъ находить мѣру своимъ симпатіямъ и антипатіямъ тамъ, гдѣ дѣло шло о государственныхъ интересахъ. Изъ уваженія къ этимъ послѣднимъ не могъ онъ пренебрегать славянскимъ языкомъ, какъ языкомъ церкви, который служилъ для всѣхъ его православныхъ подданныхъ разныхъ этнографическихъ разновидностей связующимъ началомъ. Въ данномъ случаѣ онъ тѣмъ легче могъ мириться съ славянскимъ языкомъ, что подъ вліяніемъ совершившейся реформы этотъ языкъ долженъ былъ потерять свой исключительно церковный характеръ, долженъ былъ сдѣлаться *россійскимъ* языкомъ, не столько народнымъ, сколько *всенароднымъ*, государственнымъ языкомъ. Для этого языка Петръ Великій въ концѣ 1707 года выписалъ изъ Голландіи особенный шрифтъ «Новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ», въ которомъ исключены были многія славянскія буквы (и, з, ѿ, ѿ̄, ѿ̄̄, ѿ̄̄̄, ѿ̄̄̄̄, ѿ̄̄̄̄̄, ѿ̄̄̄̄̄̄), откинуты были силы и титла, остальные же буквы приняли болѣе округленную (латинскую), чѣмъ угловатую (церковно-славянскую) форму. Отсюда, какъ извѣстно, ведетъ свое начало русская гражданская азбука. Въ 1708 г. напечатана была новымъ шрифтомъ геометрія, которую Петръ Великій исправилъ собственною рукою, а на оборотѣ перваго переплетеннаго листа написалъ: «Сими литерами печатать историческія и мануфактурныя книги, а которыя подчернены, тѣхъ въ вышесписанныхъ книгахъ не употреблять»²⁾. Повидимому, въ этихъ словахъ сознана была идея русскаго книжнаго языка, независимаго

1) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, I, 216.

2) Тамъ же, II, 643.

отъ языка церкви. Но и послѣ изобрѣтенія «русскихъ литеръ» Петръ Великій не отдѣлялъ этой идеи отъ славянской почвы. Въ 1715 г. писалъ онъ Конону Зотову: «сыскать книги, касающіяся мореплаванія, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинять, то пополнить и все перевести на *славянскій языкъ нашимъ штилемъ*»¹⁾. Подъ *славянскимъ* языкомъ Петръ Великій разумѣлъ, конечно, книжный языкъ, не смѣшивая въ этомъ случаѣ разговорнаго русскаго языка съ славянскимъ, но этотъ книжный языкъ долженъ былъ имѣть *нашъ* штиль. Что же это за штиль? Одинъ изъ исполнителей литературныхъ предпріятій Петра Великаго В. Мусинъ-Пушкинъ, по именному указу царя, писалъ къ Ѡ. Поликарпову, извѣстному составителю Трязычнаго лексикона, чтобы онъ изъ двухъ латинскихъ лексиконовъ, присланныхъ самимъ царемъ, сдѣлалъ одинъ и «подъ латинскія рѣчи подвелъ *словенскія слова*», а потомъ изъ «словенскаго языка составилъ лексиконъ латинскій по алфавиту»²⁾. Но, зная слабость Поликарпова къ церковно-славянскому языку, Мусинъ-Пушкинъ въ томъ же письмѣ предлагаетъ ему исправить переведенную Поликарповымъ географію «не высокими словами, но *простымъ русскимъ языкомъ*, такожъ и лексиконы». «Со всѣмъ усердіемъ, говоритъ онъ, явился и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но *посольскаго приказу употреби слова*»³⁾. И дѣйствительно, въ Трязычномъ лексиконѣ славянскія слова поясняются русскими, и наоборотъ, а новозаимствованныя европейскія слова поясняются то славянскими, то русскими: *Лоно* или *пазуха* I т. 163 л., *извнутряю* или *потрошу*, II, 130, *яко же рещи* — какъ *наприкладъ сказать* II, 179, *зубы* — словенски *уститъ*, I, 80, *извиняюся* — *вину приношу*, I, 130, *ушко* зри *ушесо*, II, 148, *фальшивый* — зри *лживый*, *ив.*, *фантазія* — зри *мечтаніе*, *ив.*, *фортеца* — зри *твержа* или *крѣпость*, II, 149, *франтъ* — *шутъ*, *скомрахъ*, *ив.* Поликарповъ принялъ не только

1) Исторія Россіи, Соловьева, XVI, 290.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

къ свѣдѣнію, но и къ исполненію совѣтъ Мусина-Пушкина относительно словъ «посольскаго приказы», т. е. русскихъ словъ, которыя въ посольскомъ языкѣ были обычны. Правда, это былъ условный, канцелярскій языкъ, съ однообразнымъ построениемъ періодовъ, скудныхъ союзами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ посольскомъ языкѣ предложенія связываются союзами: *и...и, а...а*. Тѣмъ не менѣе славянскія стихіи рѣчи въ немъ составляютъ процентъ, въ самомъ дѣлѣ, незначительный. Такъ, на примѣръ, въ немъ не было прошедшихъ простыхъ временъ, рѣдко употреблялись сокращенныя предложенія посредствомъ причастій, вообще славянскія формы сохранялись главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ падежахъ: *людемъ, сотникомъ* (А. З. и Ю. Р. IX, 24), *съ посланники, съ товарищи* (ib. 37), *въ за-настьхъ* (ib. 26) и т. п. За то особенности великорусскаго нарѣчія, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ были нерѣдки. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ первыхъ попавшихся подъ руку актовъ, относящихся къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка: *полна* вм. *полно* (А. З. и Ю. Р. IX, 187), *вопче* (ib. 125), *сонча* (ib. 128), *обычей* (ib. 189), *Василей* (ib. 190), *Прилукой* полковникъ (ib. 187), *братикую* дружбу (ib. 366), *тѣшого* (ib. 360), *такова*—род. ед. (ib.), *многова* (ib. 380), *сыщетца* (ib. 189), *пойтитъ не отречетца* (ib. 364), *дѣтца* имъ негдѣ (ib. 187), *литца* (ib.) и т. п. Такимъ образомъ, если Мусинъ-Пушкинъ былъ вѣрнымъ истолкователемъ мысли Петра Великаго, то для насъ становится понятнымъ выраженіе: *нашимъ штилемъ*. Едва ли мы погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что въ умѣ Петра Великаго носилась мысль о такомъ книжномъ русскомъ языкѣ, который долженъ быть выстроенъ на славянской основѣ, но съ великорусской фізіономіей.

Къ этому заключенію приводитъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что къ эпохѣ Петра Великаго относятся первыя правительственныя воздѣйствія на устраненіе малорусскихъ особенностей рѣчи, какъ на письмѣ, такъ и въ печати. Считалось, на примѣръ, обязательнымъ для малороссіянъ, чтобы они писали

дѣловыя бумаги *великороссійскимъ письмомъ*. Когда Полуботку выставили на видъ, что онъ подалъ извѣстную челобитную къ царю отъ имени малороссійскаго народа, тогда какъ народъ ничего не зналъ о ней, то онъ отвѣчалъ, что первая челобитная написана была въ Глуховѣ *малороссійскимъ письмомъ*, къ которой и руки были приложены, а на бланкетѣ прикладывали руки для того, чтобы по пріѣздѣ въ Петербургъ переписать эту самую челобитную *великороссійскимъ письмомъ*, что и сдѣлано¹⁾. Не мало есть фактовъ въ такомъ родѣ изъ эпохи Петра Великаго. Издатели церковныхъ книгъ особенно заботились объ «орѳографіи сирѣчь правописаніи и правовѣрїи великороссійскомъ правильномъ, по ученію ~~грамматистовъ и любомудрецовъ~~ въ училищахъ издревле обдержимомъ», поэтому «замѣняли они» «малороссійскія примрачнѣя рѣченія обыкновенными»²⁾, заботились о томъ, чтобы «никакой розни и особаго нарѣчія не было»³⁾, а церковныя власти разрѣшали кїевскія изданія съ тѣмъ, чтобы выходили они «на великороссійскомъ нарѣчіи»⁴⁾. Главнымъ наблюдателемъ за всѣми типографіями въ Петербургѣ, Москвѣ, Кїевѣ и Черниговѣ былъ Гавріиль Бужинскій, малороссіанинъ по происхожденію, членъ св. Синода.

Намъ нужно знать теперь, какимъ языкомъ писали тѣ самыя люди, которые издавали приведенныя выше постановленія.

Въ 1723 г. Гавріиль Бужинскій напечаталъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: «Послѣдованіе о исповѣданіи». Въ концѣ «Послѣдованія» сказано: «сіе написалось *просторѣчно*, дабы самое скудоумнѣйшее лице могло выразумѣть»⁵⁾. Къ сожалѣнію, мы видѣли только позднѣйшее изданіе этой книги, поэтому не считаемъ возможнымъ сдѣлать какое-нибудь заключеніе о языкѣ ея. Другая книга, написанная тоже «просторѣчно», принадле-

1) Исторія Россіи, Соловьева, XVIII, 237.

2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, II, 195.

3) Тамъ же, II, 669, 670.

4) II, 8—9; см. также, стр. 556, 672—673.

5) 592.

жить перу знаменитаго Теофана Прокоповича. Мы разумѣемъ его «Первое ученіе отрокомъ въ немъ же буквы и слоги». Но не одни буквы и слоги въ этой книгѣ, а толкованіе десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и блаженствъ Евангельскихъ. По распоряженію Петра Великаго, книга эта читалась во время великаго поста вмѣсто книгъ Ефрема Сирина, «дабы входящіе въ церковь Божию и готовящіеся къ исповѣди и св. тайнъ причастію люди лучше могли къ истинному покаянію себя приуготовить»¹⁾. Очевидно, самъ Петръ Великій считалъ эту книгу одной изъ самыхъ доступныхъ по изложенію. Въ виду этого обстоятельства считаемъ необходимымъ выписать изъ нея отрывокъ изъ предисловія по изданію 1722 г. «Понеже мнози, у насъ чинъ отеческій имущіи, и сами мало что знаютъ о Законѣ Божіи, настала нужда общая сочинить книжицу съ толкованіемъ десятословія законнаго, отъ Бога преданнаго; но и сіе еще не много пользовало, ибо въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже *славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчїемъ* написаны... того ради лишались доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія. Видя убо толикую въ народѣ своемъ тщету, всероссійскій монархъ, императоръ и государь всемилостивѣйшій Петръ Великій и, яко отецъ отечества, поболѣвъ сердцемъ о такомъ несчастіи подданныхъ своихъ, началъ прилежно разсуждать, какъ уставить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ, по его желанію, таковой премудрый совѣтъ повелѣтъ сочинить книжицу съ яснымъ толкованіемъ закона Божія, и Символа вѣры, и молитвы Господней, и девяти блаженствъ, и напечатать оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащіеся по буквахъ и слогахъ, во утверженіе чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія учились. А по семъ уже въ вѣрѣ и законѣ Божіи наставленни могли бы псалмы и молитвы. И се повелѣніемъ его Императорскаго величества и напечатана таковая книжица,

1) Тамъ же, II, 549.

на которой учиміи отроцы могутъ познати волю Божию и страха Господня отъ младыхъ ногтей научатися»¹⁾).

Въ выписанныхъ нами строкахъ гораздо болѣе *славенскаго високаго діалекта*, чѣмъ «просторѣчія». Въ текстѣ этой книги особенно любопытны тѣ звуки и формы словъ, которыя употребляются то порусски, то послavianски. Такъ, на примѣръ, встрѣчаются въ ней по тому же старопечатному изданію 1722 г. слѣдующія двойныя формы: *младый* и *молодыхъ*, *человѣци* и *наследники*, *церковники*, *человѣкъ* — род. множ. и *разбойниковъ*, *жидомъ* — дат. множ. и *трудамъ*, *болъземъ* и *должностямъ*, *родный* и *прямой*, *святи* — имя прилаг. краткое и *горды*, *искать*, *перевестъ* и *любити*, *почитати*, *гнѣваться* и *боятися*, *прииде*, *подаде* и *похищалъ*, *пожелалъ*, *помышляюще*, *исповѣдающе* — въ смыслѣ дѣепричастія и *любя*, *вѣдая*, *яко* и *какъ*, *такъ* и *такъ* и т. п.

Эта двойственность проходитъ чрезъ всю книгу Теофана Прокоповича. Она же составляетъ обычное явленіе и въ другихъ сочиненіяхъ его, предназначенныхъ для избранной публики²⁾, — можно сказать даже — во всѣхъ литературныхъ памятникахъ не только первой четверти XVIII вѣка, но и гораздо болѣе позднихъ. Этотъ стилистическій приѣмъ преднамѣреннаго и не преднамѣреннаго смѣшенія славянскихъ элементовъ рѣчи, болѣею частію обрусѣлыхъ, съ чисто русскими давалъ возможность автору то возвышать, то понижать тонъ, сообразно съ свойствами предмета, о которомъ шла рѣчь. Собственно говоря, «просторѣчїемъ», какъ Гавріилъ Бужинскій, такъ и Теофанъ Прокоповичъ называли не простонародную, но ту же смѣшанную рѣчь, только съ меньшимъ количествомъ славянизмовъ, безъ которыхъ, впрочемъ, оба они не могли обойтись въ изъясненіи такого важнаго предмета, какъ основныя истины православной вѣры. Конечно, Теофанъ Прокоповичъ употреблялъ иногда въ своихъ сочиненіяхъ и простонародныя слова по великорусскому

1) Тамъ же.

2) См. отрывки изъ проповѣдей его, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ Исторической христоматіи Галахова по первымъ изданіямъ.

произношенію, но для него, какъ и для другихъ стилистовъ его времени, не въ нихъ заключалась сила рѣчи. Мы не видимъ, на примѣръ, въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ того времени употребленія *a* вмѣсто *o* неударяемаго по московскому выговору, или же окончаній *ава, ово* въ родит. пад. муж. р. именъ прилагательныхъ, или же окончанія *тца* въ неопред. наклоненіи, — не видимъ вообще тѣхъ фонетическихъ особенностей великорусскаго нарѣчія, которыя видѣли въ посольскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что еще менѣе терпимы были въ литературной рѣчи того времени какія бы то ни было особенности малорусскаго нарѣчія, хотя онѣ и прорывались иногда безсознательно для самихъ писателей¹⁾. Уже отсутствіе этихъ особенностей было, такъ сказать, отрицательнымъ признакомъ великорусскаго нарѣчія, подъ которымъ въ эпоху Петра Великаго разумѣлось не столько простонародное великорусское нарѣчіе, сколько та особеннаго рода литературная рѣчь, въ которой на первый планъ выдвинуты были великорусскіе элементы, или тождественные съ церковно-славянскими, или же приведенные въ большее или меньшее согласіе съ ними. Отжившія формы церковно-славянской рѣчи (напр. прошедшія простыя) употреблялись *ad libitum*, какъ принадлежность высокаго слога, но регулирующее начало рѣчи заключалось не въ этихъ формахъ, а въ сохраненіи на письмѣ этимологическаго состава словъ по церковно-славянскому типу, хотя и въ позднѣйшей обрусѣлой формѣ. Всякое отступленіе отъ этого начала влекло за собою неизбѣжную путаницу въ правописаніи, которая особенно неприятна была въ тотъ вѣкъ, когда люди, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія, стремились не только къ реформѣ, но и къ униформѣ, какъ въ государственной, такъ и въ обществен-

1) Особенно любопытна малорусская окраска рѣчи въ сочиненіяхъ великороссіянъ. Такъ, на примѣръ, въ Запискахъ кн. Бориса Ивановича Куракина рядомъ съ словами: *вдругоретъ* (вдругорядь), *ево*, *больново*, *салдаты*, *учитца* (неопред. накл.) *начель* стоятъ слѣдующія слова: *аж, же* (въ смыслѣ *что*), *зосталися*, *сподъвалися*, подводны для артилеріи и другихъ *рѣчей*. (Кіевс. Старина, 1884, сентябрь, стр. 115—125).

ной жизни. Однимъ словомъ, уже въ эпоху Петра Великаго болѣе или менѣе сознано было *начало словопроизводства*, какъ руководящее начало въ литературной практикѣ. Кто болѣе начитанъ былъ въ славянскихъ книгахъ, тотъ могъ съ большею послѣдовательностію и этимологическою правильностію записать свою рѣчь. Но сама по себѣ начитанность не предохраняла отъ погрѣшностей въ правописаніи. Требовалось для этого грамматическое знаніе славянорусской рѣчи. Представителями этого знанія и были малорусскіе писатели, вызванные Петромъ Великимъ въ Великороссію. Учились они въ латинскихъ школахъ, правильно организованныхъ, поэтому принесли съ собою, такъ сказать, грамматическій методъ письма. Въ этомъ заключается ихъ значеніе въ исторіи литературной русской рѣчи. Они внесли въ нее идею единства, которая ясно выражена была Петромъ Великимъ въ уставѣ Академіи Наукъ, гдѣ въ пятомъ параграфѣ сказано: «Такожде смотрятъ они (Президентъ, Вице-Президентъ и Инспекторъ), чтобы во всей Академіи единъ образъ былъ языку и правописанію»¹⁾.

Между тѣмъ, послѣ измѣны Мазепы брошена была тѣнь недовѣрія на представителей кіевской учености, занимавшихъ въ духовной іерархіи высшія мѣста. Печальная участь постигла митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго. Куракинъ въ своей семейной хроникѣ рассказываетъ, что онъ посланъ былъ въ 1708 г. въ Кіевъ съ порученіемъ привезти митрополита и «другихъ духовныхъ першихъ» въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, ибо «оной архіерей признанъ былъ «какъ бы согласникъ оному Мазепѣ». Петръ Великій опасался того, чтобы «и другіе духовные персонально съ народомъ противности какой не оказали»²⁾. Въ 1718 г. Іоасафъ Кроковскій вызванъ былъ въ Петербургъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, который показалъ, что онъ писалъ къ митрополиту кіевскому о своемъ вынужденномъ отъѣздѣ изъ Россіи, гдѣ угрожали ему монаше-

1) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, I, 60.

2) Кіевская Старина 1884, декабрь, 626.

ством¹⁾. Не доѣзжая до Петербурга, митрополитъ умеръ въ Твери 1 іюля 1718 г.

Три года кievская митрополія оставалась безъ пастыря. Только въ 1722 г. назначенъ былъ на вакантное мѣсто кievскаго митрополита архимандритъ тихвинскаго монастыря Варлаамъ Ванатовичъ. Онъ именовался *архіепископомъ кievскимъ и галицкимъ*, а не митрополитомъ, и при томъ безъ прибавленія: *и малыя Россіи*²⁾. Съ того времени рушилось одно изъ старинныхъ правъ малорусскихъ выбирать митрополита вольными голосами. На низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы это право съуживалось постепенно въ теченіи всего XVIII вѣка.

Въ средѣ самихъ питомцевъ кievской Академіи, переселившихся въ Великороссію, происходили тяжелыя недоразумѣнія. Личные счеты прикрывались благовидными разсужденіями враждующихъ сторонъ, изъ которыхъ одна стояла на почвѣ церковныхъ, а другая на почвѣ государственныхъ интересовъ. Намъ нѣтъ надобности разсказывать здѣсь объ этихъ препирательствахъ. Замѣтимъ только, что послѣ совершившейся реформы защитники государственной регламентаціи въ дѣлахъ церкви имѣли въ рукахъ своихъ орудіе болѣе острое, какъ для самозащиты, такъ и для нападенія. Они обвиняли враговъ своихъ въ «папешствѣ», не чувствуя особенныхъ неудобствъ отъ обвиненія со стороны этихъ послѣднихъ въ «ереси». Извѣстно, что этимъ оружіемъ съ особенною ловкостію владѣлъ знаменитый Теофанъ Прокоповичъ. «Сей премудрый, говоритъ о немъ малорусскій лѣтописецъ, родомъ былъ зъ Украины, обучался въ Римѣ и инде, былъ префектомъ и ректоромъ въ Кіевѣ; проповѣди его удивительны; въ сумнительство о вѣрѣ во многомъ и отъ многихъ попадалъ»³⁾. Для объясненія жестокости Теофана Прокоповича на-

1) Исторія Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго, III, 235.

2) Титулъ митрополита кievскаго возстановленъ былъ въ 1743 г. при архіепископѣ Рафаилѣ Заборовскомъ, который переименованъ былъ въ митрополиты.

3) Сборникъ лѣтописей, изданный комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1883, 64.

помнимъ слова Пекарскаго. «Прокоповичъ, говоритъ онъ, жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ»¹⁾. Какъ бы то ни было, только жертвой этой политики времени, которой слѣдовалъ Теофанъ Прокоповичъ, былъ не въ чемъ неповинный предъ нимъ архіепископъ кievскій Варлаамъ Ванатовичъ, который, по снятіи съ него сана, посланъ былъ въ ссылку въ 1730 г. за то, что, по недоразумѣнію, не отслужилъ въ свое время благодарственнаго молебна по случаю восшествія на престолъ Анны Іоанновны.

Не пользовались всеобщимъ довѣріемъ малорусскіе архіереи и со стороны великорусскаго духовенства. Въ особенности не любили въ Великороссіи малорусскихъ архіереевъ того типа, къ которому принадлежалъ Теофанъ Прокоповичъ. Называли ихъ *ляшенками*²⁾. Тотъ-часъ по смерти Петра Великаго Теофанъ Прокоповичъ самъ испыталъ на себѣ значеніе этого презрительнаго прозвища. По дѣлу съ Маркелломъ Родышевскимъ объявлено было ему въ 1726 году, «чтобы онъ имѣлъ чистое, безсознательное житіе, какъ всѣ *великороссійскіе* православные архіереи живутъ, также — чтобы и въ служеніи, и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ, ни мало отмѣны не чинилъ предъ *великороссійскими* архіереями»³⁾. Это была злая иронія судьбы, которая на этотъ разъ была несправедлива ко всѣмъ заслугамъ Теофана Прокоповича, одного изъ самыхъ талантливыхъ сподвижниковъ Петра Великаго. «Неудовольствіе, говоритъ Соловьевъ, простиралось не только на лица, но и на дѣло, для котораго призваны были лица, на школы. Вмѣсто того, чтобы спѣшить сравняться съ малороссіянами и такимъ образомъ сдѣлать послѣднихъ ненужными, оказывали нерасположеніе къ тому, чѣмъ были малороссіяне выше великорусскаго духовенства, къ

1) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго. I, 482.

2) Исторія Россіи, Соловьева, XIX, 119.

3) Тамъ же, XIX, 219.

наукѣ, къ школѣ»¹⁾. «Чего ради такая не по здѣшной епархіи школа построена?» говорилъ архангельскій архіерей Варсанофій. «Да и школамъ въ здѣшной скудной епархіи не надлежитъ. Къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи — черкасичи, ни къ чему негодичи». ²⁾

Нужно сказать, впрочемъ, что общеобразовательная роль кievскихъ ученыхъ въ Великороссіи постепенно ослабѣвала. По смерти Петра Великаго школы при епископскихъ кафедрахъ, ими заведенныя, начали терять всесловный характеръ, который сохраняла кievская академія во все продолженіе XVIII в. При Аннѣ Иоанновнѣ онѣ переименованы были въ семинаріи. Нуждаясь въ подготовленныхъ священнослужителяхъ, духовное начальство неохотно отпускало своихъ воспитанниковъ въ свѣтскую службу. Такъ возникала сословная замкнутость семинарій, а вмѣстѣ съ нею и одностороннее направленіе мысли, не освѣжаемой живымъ притокомъ общественныхъ настроеній, который въ прежнее время, на южнорусской почвѣ, давалъ схоластической наукѣ иной тонъ, иныя краски, не терявшей этихъ красокъ и при Петрѣ Великомъ, благодаря его практическимъ воззрѣніямъ на науку. Въ новой обстановкѣ представители кievской учености мало по малу становились въ сторонѣ отъ общественнаго движенія, которое усиливалось по мѣрѣ расширения потребности въ свѣдѣніяхъ, далеко выступавшихъ за предѣлы церковно-религіозныхъ вопросовъ. Для выраженія новыхъ понятій недостаточно было семинарскаго образованія, которое опиралось главнымъ образомъ на знанія языковъ латинскаго и славянскаго. Нужна была рѣчь болѣе подвижная и разнообразная, чѣмъ книжная, славянская, хотя и обрусѣлая рѣчь, которою владѣли учащіе и учащіеся въ духовныхъ семинаріяхъ. Разладъ между мыслию и рѣчью становился очевиднымъ не только для писателей, но и для читателей.

1) Исторія Россіи, Соловьева, XXII, 272.

2) Тамъ же. Германъ Концевичъ, воспитанникъ кievской академіи, съ 1731 г., епископъ архангельскій, завелъ въ Холмогорахъ славяно-латинскую школу, умеръ въ 1735 г.

Съ особенной наивностью выразился этотъ разладъ въ литературныхъ произведеніяхъ Тредьяковскаго.

Въ 1730 г. Тредьяковскій напечаталъ аллегорическій романъ, переведенный имъ съ французскаго языка, подъ заглавіемъ: «Бзда на островъ любви». Въ предисловіи къ своему труду онъ проситъ извиненія у читателей, что перевелъ онъ «оную повѣсть не славенскимъ языкомъ, но почти самымъ простымъ русскимъ языкомъ, т. е. каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ», говоритъ онъ, «слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень, и многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна»¹⁾. Но, отрѣшаясь отъ славянской почвы, которая была уже разработана Мелетіемъ Смотрицкимъ въ примѣненіи къ общимъ свойствамъ русскихъ нарѣчій, нужно было подумать о грамматикѣ для того «простого русскаго языка», которому Тредьяковскій хотѣлъ дать право гражданства въ русской литературѣ. Еще въ 1696 г. появилась грамматика русскаго языка Генриха Вильгельма Лудольфа, но она напечатана была въ Оксфордѣ, и притомъ на латинскомъ языкѣ, поэтому не могла служить руководствомъ для русскихъ людей. Также мало доступно имъ было и «Руководеніе въ Грамматыку» Копіевича²⁾ (1706 г.), да притомъ особенности русскаго языка затронуты были очень слабо въ этомъ «Руководеніи». А между тѣмъ, по мѣрѣ расширения круга грамотныхъ людей, потребность въ русской грамматикѣ чувствовалась все болѣе и болѣе. По поводу грамматикъ Мелетія Смотрицкаго, вновь изданной въ Москвѣ въ 1721 году, извѣстный Посошковъ писалъ: «нынѣ напечатано въ Москвѣ тысячъ пять, шесть грамматикъ, да Богъ вѣсть какихъ»²⁾. Еще менѣе могла удовлетворить «Грамматика славенская, въ кратцѣ собранная иподіакономъ Ѳедоромъ Максимо-

1) Историческая христоматія Галахова, т. I, 155.

2) Сочиненія Посошкова, изд. Погодина, М., 1842, стр. 11.

вымъ» и напечатанная въ Петербургѣ въ 1723 году, такъ какъ это была слабая передѣлка той же грамматики Мелетія Смотрицкаго. Въ 1735 г. при Академіи Наукъ учреждено было «Россійское собраніе» для усовершенствованія русскаго языка и, между прочимъ, для составленія грамматики и лексикона. Но, по замѣчанію митрополита Евгенія, «немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцевъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателю разборчивостію своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ»¹⁾. Отъ «Россійскаго собранія» остался единственный прочный слѣдъ его существованія—окончательное установленіе гражданской азбуки, которая послѣ изобрѣтенія ея постоянно колебалась въ употребленіи тѣхъ или другихъ славянскихъ буквъ²⁾. Въ 1743 г. «Россійское собраніе» прекратило свою дѣятельность, а въ 1748 г. одинъ изъ членовъ его Тредьяковскій выступилъ съ цѣлой книгой о правописаніи подъ заглавіемъ: «Разговоръ между чужестраннымъ человекомъ и россійскимъ объ ортографіи старинной и новой». Въ книгѣ этой онъ съ робкими оговорками сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о несостоятельности нѣкоторыхъ правилъ грамматики Мелетія Смотрицкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свою систему правописанія, основанную на фонетическомъ началѣ, систему, не выдержанную самимъ изобрѣтателемъ ея, такъ какъ одни слова писалъ онъ «по звонамъ» (*книшка, кресьяне, скушно*), а другія по принятому обычаю. Произошло это оттого, что самъ Тредьяковскій не имѣлъ яснаго понятія о различіи языка русскаго отъ славянскаго.

Напрасно Тредьяковскій надѣялся, что система его будетъ признана всѣми, даже учеными, изъ которыхъ «катоноватѣйшіи», какъ говоритъ онъ, «наибольше хорохорятся противъ звоновъ»³⁾. Однимъ изъ этихъ «катоноватѣйшихъ» былъ знаменитый Ломо-

1) Исторія Россійской Академіи, Сухомлинова, 6.

2) Подробнѣе объ этомъ см. Филологическія разысканія Грота, I, 128—129.

3) Тамъ же, II, 189.

носовъ. Въ 1748 г. появилось его разсужденіе «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ», а въ 1755 г. «Россійская грамматика»¹⁾. Оба эти сочиненія вмѣстѣ съ литературными произведеніями Ломоносова окончательно рѣшили судьбу русскаго литературнаго языка.

Еще въ 1704 году, въ предисловіи къ «Трехъязычному Лексикону» Ѳ. Поликарповъ жаловался, что «чистота славянская засыпая отъ чужестранныхъ языковъ въ пепель»²⁾. Съ того времени потокъ иностранныхъ словъ безостановочно вливался въ русскую рѣчь, особенно письменную, и только въ эпоху Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ подъемомъ національнаго духа, появился энергическій протестъ противъ варваризмовъ, которые Ломоносовъ называетъ «дикими и странными слова нелѣпостями». По его мнѣнію, «отвратятся оныя неприличности старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка купно съ Россійскимъ» (230). Весь вопросъ въ томъ, когда и какъ употреблять «славянскій» языкъ. Этотъ вопросъ разрѣшаетъ онъ въ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ» извѣстнымъ ученіемъ о трехъ штиляхъ — высокомъ, посредственномъ и низкомъ. Подчиняя въ стилистическомъ отношеніи русскую литературную рѣчь церковно-славянской, Ломоносовъ имѣлъ въ виду сохранить въ «Россійскомъ» языкѣ «красоту, богатство и силу» и предохранить его отъ перемѣнъ и упадка. Такимъ образомъ, отступая отъ преданій Петровской реформы по отношенію къ иностраннымъ языкамъ, Ломоносовъ остался послѣдователемъ малорусскихъ писателей, современныхъ Петру Великому, по отношенію къ церковно-славянскому языку: онъ нашелъ въ произведеніяхъ этихъ писателей лучшіе образцы славянорусской рѣчи. Весьма можетъ быть, что и самое раздѣленіе «Россійскаго» языка по штилямъ составилось подъ вліяніемъ риторики Ѳеофана Прокоповича, ко-

1) Ссылки на то и другое сочиненіе мы дѣлаемъ по академическому изданію сочиненій Ломоносова, 1898, томъ четвертый.

2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Пекарскаго, I, 191.

торый въ кievской академіи излагалъ своимъ слушателямъ ученіе о высокомъ, среднемъ и низкомъ слогѣ¹⁾.

Извѣстно, что еще на родинѣ своей Ломоносовъ изучалъ грамматику Мелетія Смотрицкаго. Безъ сомнѣнія, та же грамматика служила учебнымъ пособіемъ въ Заиконоспасской академіи, въ которую поступилъ Ломоносовъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія. Неудивительно поэтому, что въ «Россійской грамматикѣ» своей Ломоносовъ сохранилъ многое усвоенное имъ изъ славянской грамматики Мелетія Смотрицкаго. Такъ, онъ воспользовался прежде всего грамматической терминологіей, установленной Мелетіемъ Смотрицкимъ. Подобно Мелетію Смотрицкому, элементарные звуки человеческого голоса Ломоносовъ называетъ *нераздѣлимыми* частями слова, гласные звуки — иногда гласными, иногда *самогласными*, твердые и мягкіе гласные — *дебелыми* и *тонкими*, слово — *реченіемъ*. Части рѣчи, по Ломоносову, *части слова*²⁾, порядокъ *частей слова*, т. е. частей рѣчи у Ломоносова тотъ же, что у Смотрицкаго, ученіе о дѣпричастіи заимствовано у Смотрицкаго. Шагъ назадъ сдѣлалъ Ломоносовъ въ ученіи о глаголѣ. Мелетій Смотрицкій различаетъ виды глаголовъ, — Ломоносовъ въ замѣнъ видовъ предлагаетъ сложную и сбивчивую систему временъ (восемь отъ простыхъ глаголовъ, два отъ сложныхъ, т. е. предложныхъ), — за то въ неокончателномъ наклоненіи различаетъ три отгѣнка *неопредѣленное* наклоненіе (двигать), *однократное* (двинуть) и *сомнѣнное* (двигивать). (185).

Выходя изъ того положенія, что славянскія слова сообщаютъ «Россійскому языку красоту, богатство и силу», Ломоносовъ былъ убѣжденъ, что въ *высокомъ* штильнѣ нельзя обойтись безъ словъ и оборотовъ рѣчи церковнославянской. Такъ, онъ сожалѣетъ, что вышелъ изъ употребленія дательный само-

1) Труды Кіевской академіи, 1867, февраль, стр. 481.

2) У Мелетія Смотрицкаго слово — то же, что предложеніе, у Ломоносова менѣе послѣдовательности: предложеніе онъ называетъ *рѣчью*, поэтому параллельно съ терминомъ Смотрицкаго *части слова* можно было бы ожидать въ грамматикѣ Ломоносова *части рѣчи*.

стоятельный, допускаетъ употребленіе его въ «высокихъ стихахъ» и надѣется, что со временемъ «общій слухъ къ нему привыкнетъ» (209). Это замѣчаніе Ломоносова стоитъ въ связи съ общимъ взглядомъ его на грамматику, которая «отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію» (11). Имѣя предъ собою громадный матеріалъ книжной и устной рѣчи, Ломоносовъ задался мыслию выковать изъ него нѣчто единое и цѣльное. Съ этою цѣлю онъ пишетъ свою грамматику, которая, по его мнѣнію, есть знаніе, «какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лучшему рассудительному его употребленію» (4). Очевидно, говоря не о *русскомъ*, а о *Россійскомъ* языкѣ, онъ держался того мнѣнія, что можно регламентировать разговорную рѣчь посредствомъ книжной: высшій критеріумъ для разговорной рѣчи есть *лучшее, рассудительное употребленіе Россійскаго языка*, т. е. письменной рѣчи. Самые же приемы этого употребленія выработаны были малорусскими писателями еще до появленія грамматики Ломоносова — въ эпоху Петра Великаго. Ломоносову оставалось только воспользоваться этими приемами въ своей грамматикѣ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, слѣдующимъ господствовавшему въ его время литературному употребленію, Ломоносовъ выбросилъ множество церковно-славянскихъ звуковъ и формъ изъ литературной русской рѣчи, напр.: переходное смягченіе гортанныхъ въ падежныхъ формахъ именъ существительныхъ, простые прошедшія времена и сложные съ вспомогательнымъ глаголомъ. Многие затѣмъ Ломоносовъ оставилъ нетронутымъ подъ влияніемъ того же литературнаго употребленія. Сюда относятся, между прочимъ, причастія въ церковно-славянской формѣ. Нужно сказать при этомъ, что въ ученіи о причастіяхъ Ломоносовъ внесъ благоразумную разборчивость, примѣняя къ свойствамъ русскаго языка. За исключеніемъ причастій страдательныхъ прошедшаго времени, легко производимыхъ, какъ отъ славянскихъ, такъ и отъ русскихъ глаголовъ, остальные причастія онъ совѣтуетъ производить отъ глаголовъ славянскаго про-

исхожденія. «Весьма дики и слуху несносны, говоритъ онъ, причастія: *трогаемый, качаемый, мараемый*» (185); неупотребительны также: *говорящій, чавкающій* (184), *брякнувшій, нырнувшій* (185). «Весьма не надлежитъ производить причастія отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ, и только въ простыхъ разговорахъ употребительны: ибо причастія имѣютъ въ себѣ нѣкоторую высокость, и для того очень пристойно ихъ употреблять въ высокомъ родѣ стиховъ. Которые Россійской языкъ не очень твердо знаютъ, и при томъ мало или ничего Славенскихъ книгъ не читали, и за тѣмъ прямого употребленія причастій понять не могутъ, тѣ безопасно поступятъ, ежели вмѣсто причастій глаголъ съ возносительными писать будутъ» (127 — 128). Относительно дѣепричастій настоящего времени Ломоносовъ замѣчаетъ, что «дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у точныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Славенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *я* употребительнѣе у Славенскихъ, нежели у Россійскихъ» (131). Наконецъ, основное начало правописанія, выдвинутое Ломоносовымъ, было то же начало словопроизводства, которое разработано было на почвѣ славянорусской рѣчи ближайшими предшественниками Ломоносова — малорусскими писателями эпохи Петра Великаго. «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ, говоритъ Ломоносовъ, чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій» (52). Рядомъ съ этимъ этимологическимъ положеніемъ Ломоносовъ ставитъ другое фонетическое: «правописаніе не должно отходить далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ, которыхъ суть три: Московской, Сѣверной и Украинской» (Ibid.). Повидимому, эти положенія исключаютъ одно другое, ибо особенности «главныхъ Россійскихъ діалектовъ» закрываютъ слѣды «произвожденія и сложенія реченій», и наоборотъ. Но слово «далече» указываетъ на то, что Ломоносовъ во всякомъ случаѣ подчиняетъ фонетическое начало этимологическому. Собственно говоря, онъ ищетъ не сохраненія этихъ діалектовъ на письмѣ, что произвело бы хаосъ въ правописаніи, но

только примиренія ихъ, которое, конечно, не могло состояться безъ ограниченія cadaго изъ нихъ въ отдѣльности. Это ограниченіе выходило изъ «произвожденія реченій», основой котораго было «чтеніе книгъ церковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто твердъ и силенъ быть не можетъ» (53).

Во многихъ случаяхъ Ломоносовъ настойчиво проводитъ въ своей грамматикѣ эту идею примиренія «главныхъ Россійскихъ діалектовъ». Такъ, онъ отдаетъ предпочтеніе московскому говору «не токмо для важности столичнаго говора, но и для отмѣнной красоты, а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*, много пріятнѣе. Но ежели, продолжаетъ онъ, положить, чтобы по сему выговору всѣмъ писать и печатать: то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно» (52—53). Это ограниченіе московскаго выговора вызвало, какъ извѣстно, упрекъ со стороны Сумарокова, что Ломоносовъ далъ въ своей грамматикѣ много простора холмогорскимъ и малороссійскимъ провинціализмамъ. Можно согласиться съ Сумароковымъ относительно холмогорскихъ провинціализмовъ, и то — не въ грамматикѣ Ломоносова, а въ литературныхъ произведеніяхъ его, написанныхъ за границей и въ первые годы по возвращеніи изъ-за границы¹⁾. Въ отношеніи къ *о* неударяемому сѣверно-великорусскій говоръ и малорусское нарѣчіе дѣйствительно отступаютъ отъ московскаго говора, представляя въ то же время сходство съ церковно-славянскимъ нарѣчіемъ, но въ данномъ случаѣ Ломоносовъ руководствовался словопроизводствомъ, а не предпочтеніемъ одного діалекта другому. Что касается до малорусскаго діалекта, то во всей грамматикѣ Ломоносова незамѣтно особенной склонности поддерживать ту или другую особенность малорусской рѣчи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она совпадала съ церковно-славянскою. Такъ, зват. падежъ, согласно съ великорусскимъ нарѣчіемъ, онъ считаетъ подобнымъ именительному;

1) См. объ этомъ въ статьѣ Будде: «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка». Журналъ Мин. народ. проsv., 1900, мартъ.

такъ же точно въ мягкихъ темахъ именъ существительныхъ онъ считаетъ нормальнымъ предлож. падежъ (*о пустынь, о злодѣтъ* и проч.) вопреки малорусскому и церковно-славянскому окончанію на *и*. Повидимому, есть нѣкоторая уступка малорусскому нарѣчію въ замѣткѣ Ломоносова о буквѣ *ь*. Въ защиту этой буквы Ломоносовъ говоритъ, что «Малороссіянамъ, которые и въ просторѣчій *е* отъ *ь* явственно различаютъ (устраненіе буквы *ь*) будетъ противъ свойства природнаго ихъ нарѣчія» (54). Можно бы думать, что онъ желалъ предоставить малороссіянамъ возможность при чтеніи русскаго письма произносить *ь*, какъ *и*, подобно съ свойствомъ «природнаго ихъ нарѣчія». Но чрезъ нѣсколько строкъ онъ утверждаетъ, что «свойство нашего Россійскаго языка убѣгать отъ скучной буквы *и*» (55), — а такъ какъ московскій говоръ Ломоносовъ считаетъ образцовымъ, то, конечно, онъ имѣлъ право рассчитывать на то, что и малороссіяне, при чтеніи русскаго письма, будутъ соблюдать свойство «Россійскаго языка», т. е. убѣгая «скучной буквы *и*», будутъ произносить *ь*, какъ *е*. Известно, что этотъ расчетъ съ теченіемъ времени оказался вполне вѣрнымъ.

Вообще Ломоносовъ руководствуется въ своей грамматикѣ исключительно великорусскими говорами, давая предпочтеніе тѣмъ звукамъ и формамъ, въ которыхъ эти говоры не отступаютъ отъ церковно-славянскаго нарѣчія, — если же и отступаютъ, то, по крайней мѣрѣ, не расходятся сами между собою. Какъ ни далекъ былъ Ломоносовъ отъ историческаго метода въ изученіи русскихъ нарѣчій, но, желая поддержать великорусскія преданія въ правописаніи, онъ иногда ссылается на употребленіе той или другой буквы «въ Великороссійскомъ языкѣ отъ начала историческихъ и другихъ писателей Московскихъ» (55). Онъ допускаетъ, какъ известно, въ «низкомъ штилѣ» просторѣчіе, но именно великорусское. «Въ штилѣ высокомъ, говоритъ онъ, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится (въ именахъ существ. мужес. р.), окончаніе на *ь* преимуществуетъ (скрыть въ *ровѣ* зависти, ходить въ *свѣтъ* лица Господня); но тѣ же слова въ про-

стомъ слогѣ или въ обыкновенныхъ разговорахъ больше у любятъ (на *рву*, въ *свѣту* стоять) (87—88). Мы видимъ у него формы великорусскихъ уменьшительныхъ именъ и нарѣчій: *головишка, столишко, скатертійшко, старое бабѣнцо, плохонекъ, плохонько, бѣлѣхонекъ, бѣлешенекъ* (102—103), *позновато, рановато, ранешенько* (89), — всѣ формы многократнаго вида на *ива, ыва: бивалъ, калывалъ, стѣлывалъ, арывалъ, бѣрывалъ, качивалъ, ламывалъ, гуливалъ, цѣловывалъ* (121—124). Изъ глагольныхъ формъ, кромѣ совпадающихъ съ церковно-славянскими, выставлены на видъ исключительно великорусскія. Таковы, напримѣръ, формы: *беречь, стричь, стѣчь* (126), или же формы наст. времени глагола *ьсть: ьмъ, ьшь, ьстѣ, ьдимъ, ьдите, ьдятѣ* (170) и т. п.

Такимъ образомъ правописаніе Ломоносова «далече» отступало отъ одного изъ «главныхъ Россійскихъ діалектовъ — украинскаго». Подчиняясь творческой мысли Петра Великаго, онъ окончательно установилъ «нашъ стиль» на славянской основѣ, но въ этотъ штиль не вошли ни звуковыя, ни морфологическія особенности малорусскаго нарѣчія. Отъ малорусскихъ писателей, разработавшихъ славянорусскую рѣчь въ примѣненіи къ великорусской обстановкѣ, онъ усвоилъ этимологическій способъ письма, но, благодаря постоянному прибою великорусскаго произношенія и словоупотребленія, на этой этимологической канвѣ получились узоры великорусскіе. И это мы видимъ уже въ сочиненіяхъ самаго Ломоносова, который, постепенно отвыкая отъ своихъ холмогорскихъ провинціализмовъ, усвоивалъ особенности діалекта московскаго, господствовавшаго въ средѣ образованныхъ его современниковъ. Это было центробѣжное начало въ литературной рѣчи того времени, которая, однако же, чуждалась народнаго просторѣчія, допуская его только въ «низкомъ штилѣ». Уже это одно обстоятельство показываетъ, какъ дорожилъ Ломоносовъ началомъ центростремительнымъ. Самъ онъ далъ прекрасные образцы «Россійскаго языка» преимущественно въ «высокомъ штилѣ» и потому могъ сказать о себѣ, что его сочиненіями

«штиль Россійскій несравненно вычистился предъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженію идей трудныхъ»¹⁾.

Но многое еще оставалось впереди. Ломоносовъ указалъ составные элементы «Россійскаго» языка и далъ возможность относиться сознательно къ каждому изъ нихъ. Само собою понятно, что дальнѣйшая судьба этого языка зависѣла отъ условій чрезвычайно разнообразныхъ. Если бы возоблалало въ жизни русской церковно-религіозное направленіе, господствовавшее до Петра Великаго, то нечего было бы и толковать Ломоносову «о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ». Но онъ толковалъ объ этомъ, оставаясь въ то же время лучшимъ представителемъ европейскаго просвѣщенія, которое и было главною причиною появленія въ міровоззрѣніи русскаго человѣка «идей трудныхъ». Въ томъ собственно и заключалась трудность литературной рѣчи для современниковъ Ломоносова, что они должны были, по его предписаніямъ, обращаться для выраженія этихъ идей не къ иностраннымъ словамъ, посредствомъ которыхъ они познакомились съ самыми идеями, а къ словамъ «церковныхъ книгъ», въ которыхъ не всегда можно было найти то, что требовалось въ данную минуту. При этомъ они постоянно должны были оглядываться по сторонамъ, чтобы слогъ не казался «надутымъ», съ другой стороны, чтобы излишнимъ употребленіемъ простонародныхъ словъ «не опуститься», какъ говорилъ Ломоносовъ, «въ подлость». Нужно было много эрудиціи и таланта, чтобы выпутаться изъ этого лабиринта рѣчи. Отсюда противорѣчія и въ мысли, и въ рѣчи. Тотъ самый Тредьяковскій, который, вооружаясь противъ «глубокомысленныя славенщизны», защищалъ «звоны» въ правописаніи, былъ убѣжденъ, что «въ каждомъ языкѣ живущемъ есть два способа, какъ имъ говорить: первый употребляютъ люди, знающіе силу въ своемъ языкѣ, а другой—въ употребленіи у подлости и у крестьянъ. Лучше полагаться на знающихъ и обходительствомъ выщвѣченныхъ людей,

1) Исторія Россіи, Соловьева, XXVII, 277.

нежели на нестройную и безразсудную чернь»¹⁾. Точно такъ же Сумароковъ, высказывая желаніе, чтобы русское правописаніе не отклонялось отъ церковно-славянскихъ преданій, считалъ болѣе правильнымъ въ именит. падежѣ множест. ч. именъ прилагательныхъ во всѣхъ родахъ писать я или же въ именахъ существительныхъ, которыя оканчиваются на шипящіе звуки, въ мужес. родѣ писать ѣ, въ женс. ѣ. Гораздо чаще встрѣчалась другая крайность — насиліе не надъ славянскою рѣчью, но надъ русскою. Таково, на примѣръ, производство причастій въ церковно-славянскои формѣ отъ глаголовъ, которыхъ нѣтъ въ церковно-славянскомъ языкѣ — погрѣшность, отъ которой предостерегалъ Ломоносовъ въ своей грамматикѣ, — таково же употребленіе именъ прилагательныхъ въ краткой формѣ въ смыслѣ опредѣлительныхъ словъ и т. п. Это искаженіе русскихъ словъ составляетъ обычное явленіе въ литературныхъ произведеніяхъ XVIII вѣка, особенно такихъ, которыя написаны высокимъ слогомъ. Даже записки частныхъ лицъ, не предназначенныхъ къ печати, не свободны отъ этого недостатка. Таковы, на примѣръ, записки современниковъ Елисаветы Петровны — Нащокина (1707 — 1761) и кн. Шаховскаго (1705 — 1772). Составителямъ этихъ записокъ часто приходилось говорить о матеріяхъ неважныхъ, между тѣмъ, подчиняясь требованіямъ высокаго штиля, они охотно употребляли слова церковно-славянскія или облекали русскія слова въ церковно-славянскую одежду. Получалась такимъ образомъ рѣчь неестественная, напыщенная. Выдающаяся особенность ея заключается въ пестромъ смѣшеніи элементовъ книжныхъ съ разговорными, не прилаженными и не уравновѣшенными между собою.

Между тѣмъ, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ являлись новыя идеи, и притомъ все болѣе и болѣе «трудныя». Въ вѣкъ Петра Великаго эти идеи были проще: рѣдко поднимались онѣ надъ уровнемъ текущихъ потребностей жизни, вызванныхъ ре-

1) Исторія Россійской Академіи, Сухомлинова, 194.

формой. Отрывая служилыхъ людей отъ патриархальной русской почвы, царь посылалъ ихъ за границу съ тѣмъ, чтобы они возвращались на родину хорошими мастерами дѣла, во всеоружіи технического знанія. Со временъ Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ ослабленіемъ нѣмецкихъ вліяній, усиливаются французскія съ болѣе широкимъ кругозоромъ мысли, на которую и въ русскомъ обществѣ начинаютъ смотрѣть, какъ на образовательную силу, способную освѣтить самые темные углы практической жизни. Это движеніе росло и крѣпло при Екатеринѣ II и выразилось въ господствѣ идей просвѣтительнаго вѣка, которымъ открытъ былъ свободный доступъ въ Россію. Повидимому, оно должно было затронуть не только высшіе слои общества, но и низшіе слои его городскіе и сельскіе. И дѣйствительно, шло оно сверху внизъ, захватывая все большіе и большіе круги городскихъ обывателей, но въ виду темныхъ массъ закрѣпощеннаго народа оно остановилось. Идеи «Наказа», сколько-нибудь благопріятныя крестьянскому сословію, были отвергнуты привилегированными сословіями. Не только дворянство, но даже духовенство и купечество требовало рабовъ¹⁾. Литература, за немногими исключеніями, безучастно смотрѣла на это социальное зло. Самый популярный писатель того времени Сумароковъ по поводу «Наказа» высказался такъ: «нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ». Воли ему давать нельзя. «Малорусскій подлый народъ отъ сей воли почти несносенъ»²⁾. Оказалось, что по вопросамъ высшаго знанія современники Екатерины II жили чужимъ умомъ, а по вопросамъ практической жизни своимъ собственнымъ. Соотвѣтственно съ допетровскимъ двоевѣріемъ, это была эпоха, если можно такъ сказать, двоемыслія. Отсюда—въ цѣломъ строѣ жизни безчисленныя противорѣчія идеала съ дѣйствительностію. Отсюда—страсть къ фразѣ, къ пустословію, къ общимъ мѣстамъ. Нельзя отказать образованному обществу того времени въ извѣстной людскости, общительности, эстетической

1) Исторія Россіи Соловьева, XXVII. 39.

2) Тамъ же, 121.

восприимчивости, но въ этомъ настроеніи не было глубины и силы. И однакоже, сравнительно съ предшествующими моментами въ умственной жизни русскаго общества, умственное настроеніе его въ вѣкъ Екатерины II представляетъ шагъ впередъ. Важенъ былъ самый методъ обобщенія, къ которому приучались русскіе писатели и читатели. Конечно, многія изъ этихъ обобщеній были непоследовательны и сбивчивы, но они не позволяли мысли успокоиться въ праздномъ бездѣйствіи. Само собою разумѣется, что въ литературной рѣчи временъ Екатерины II, сообразно съ свойствами новыхъ идей, должны были появиться новыя особенности.

Отмѣтимъ прежде всего наплывъ французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи. Особенно изобилуютъ ими записки современниковъ Екатерины II. Таковы, на примѣръ, записки Порошина, писанныя въ 1764—1765 гг. Здѣсь встрѣчаемъ такія слова и выраженія: *профессія, креатура, генеральныя разсужденія, благородные сентименты, отдаленные объекты, натуральный дефектъ* и т. п.¹⁾ Замѣчательно, что тотъ же Порошинъ въ запискахъ своихъ вооружается противъ вторженія французскихъ словъ въ русскую рѣчь. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, жизнь была сильнѣе теоріи, привычки мысли были сильнѣе самой мысли. Извѣстно, что во вторую половину царствованія Екатерины II пристрастіе къ иноземному смѣнилось патриотическимъ негодованіемъ на вольныя и невольныя увлеченія французскими образцами мысли и жизни. Никто рѣзче не выражался объ этихъ увлеченіяхъ, какъ Сумароковъ. Въ галлицизмахъ онъ видѣлъ гибельную порчу языка. Вотъ въ какомъ видѣ онъ представляетъ дикую рѣчь своихъ современниковъ, зараженныхъ страстію къ французской фразеологіи: «я въ дистракціи и въ дезеспере, аманата моя сдѣлала мнѣ инфиделите, а я ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться»²⁾. Между тѣмъ, не только въ ли-

1) Русскіе мемуары XVIII в., Пекарскаго, «Современникъ», 1853, № 4, стр. 109.

2) Исторія Россіи, Соловьева, XXVII, 327.

тературныхъ понятіяхъ, но даже въ языкѣ своихъ сочиненій Сумароковъ далеко не свободенъ былъ отъ французскихъ вліяній¹⁾. Что касается до современниковъ Сумарокова, то у нихъ часто встрѣчаются фразы, буквально переведенныя съ французскаго. Такихъ фразъ много въ тѣхъ же запискахъ Порошина, а также въ запискахъ Болотова (1738 — 1833), напримѣръ: «платье, экипажи и все прочее было у него *на нынѣшней и великолѣпной ношѣ*», «*братъ предлогъ*», «*братъ время*», «*братъ компанію*» (*prendre prétexte, prendre le temps, faire la compagnie*)²⁾. «Многіе германизмы и галлицизмы, говоритъ Пекарскій, такъ смѣшались въ нашемъ литературномъ языкѣ съ чисто русскими оборотами, что во многихъ случаяхъ трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли фраза характеру русскаго языка, или она просто подражаніе нѣмецкой или французской фразѣ»³⁾. Наконецъ, подъ вліяніемъ французскихъ образцовъ рѣчи являются иногда слова особаго рода—новоизобрѣтенныя, выкованныя изъ славянскаго или русскаго матеріала и въ то же время чуждыя, какъ славянскому, такъ и русскому языкамъ. Много есть такихъ словъ и оборотовъ рѣчи въ запискахъ Данилова (1722—1790) и въ перепискѣ его современниковъ А. И. Бибикова, И. И. Шувалова, П. И. Панина. Слагалось какъ бы особое нарѣчіе—книжное, но не церковно-славянское, русское, но не народное въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Вообще говоря, церковно-славянская стихія въ эпоху Екатерины II начала ослабѣвать не только въ запискахъ современниковъ, которыя писались на скорую руку, безъ особаго старанія слѣдовать литературнымъ правиламъ, но даже въ литературныхъ произведеніяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ теоріи о трехъ штиляхъ. Правда, сознавалась еще всѣми «польза книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языкѣ». Въ 1773 г. изданъ былъ «Церковный словарь или истолкованіе рѣченій славенскихъ»

1) Русскіе мемуары, Пекарскаго, 114.

2) Тамъ же, 102.

3) Тамъ же.

протоіерея Алексѣева—трудъ, не потерявшій своего значенія и до настоящаго времени. Ко второму изданію этого словаря (1794) приложена стихотворная надпись Рубана, въ которой изображаются заслуги Ломоносова:

«Церковныхъ пользу книгъ, въ нихъ важность слова
Россовъ

Пространно доказалъ великій Ломоносовъ,
Стихотворенія русскаго отецъ,

Оставившій на вѣкъ витійства образецъ».

Основанная въ 1783 г. Россійская Академія, имѣя въ виду, «очищеніе и обогащеніе русскаго языка», занялась, между прочимъ, составленіемъ словаря, который вышелъ въ 1789—1794 г. подъ заглавіемъ: «Словарь Академіи Россійской». Составители словаря, очевидно, различали русскій языкъ отъ славянскаго, но въ литературномъ употребленіи они признавали всю объединяющую силу этого послѣдняго, поэтому литературный русскій языкъ они часто называютъ славенороссійскимъ, который «большею частію состоитъ изъ славенскаго или, яснѣе сказать, основу свою въ немъ имѣетъ», поэтому «народъ русскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ всюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ»¹⁾. Однимъ словомъ, «катоноватѣйшіи», какъ говорилъ Тредьяковскій, крѣпко еще держались преданій Ломоносовскихъ. Тѣмъ не менѣе современники Екатерины II, имѣвшіе большую склонность къ нѣкоторой развязности въ мысляхъ, чувствовали, что далеко не все можно выразить «росскімъ» словомъ, которое болѣе или менѣе прошло уже чрезъ горнило тяжеловѣсной славянской рѣчи. Еще Ломоносовъ замѣтилъ, что «въ нѣжностяхъ отъ того», т. е. высокаго штиля «должно удаляться» (228). А такихъ «нѣжностей» въ вѣкъ Екатерины II было особенно много, особенно въ романахъ—самомъ популярномъ чтеніи во второй половинѣ XVIII вѣка. Пре-

1) Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ, Булича, 79.

обладали романы переводные, но не мало было и оригинальных¹⁾. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ изображались такіа чувства и настроенія, которыя не могли найти мѣста въ одѣ высокаго штиля, разработанной Ломоносовымъ, не могли поэтому довольствоваться и языкомъ ея. Такимъ образомъ теорія Ломоносова о трехъ штиляхъ съ регулирующимъ вліяніемъ перваго изъ нихъ въ литературной практикѣ съ теченіемъ времени должна была пошатнуться. Носилась мысль о необходимости поставить «россійскій» языкъ въ болѣе независимое отношеніе къ церковно-славянскому. Извѣстный Бецкій въ уставѣ Сухопутнаго кадетскаго корпуса (1766), не отвергая важности и необходимости церковно-славянскаго языка, «дабы россійскимъ писать правильно и краснорѣчиво», совѣтуетъ приступать къ изученію его *послѣ* русскаго языка: только-что поступившіе въ корпусъ кадеты сперва учились русскому языку, и только во второмъ возрастѣ, когда мальчику было уже 9—12 лѣтъ, приступали къ изученію славянскаго языка. Въ Генеральномъ планѣ Воспитательнаго дома (1763 и 1767) онъ требуетъ прежде всего изученія печатныхъ букварей «на употребляемомъ нынѣ языкѣ», разумѣя подъ этимъ послѣднимъ тотъ языкъ, «которымъ пользуемся отъ природы»²⁾.

Мысль Бецкаго должна была найти самое широкое примѣненіе въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда Екатерина II задумала распространить образованіе на всю страну посредствомъ учрежденія народныхъ училищъ. Принята была австрійская система училищъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. По учебному плану 1782 г. они раздѣлены были на малыя, среднія и главныя: первыя состояли изъ двухъ классовъ, вторыя изъ трехъ, третьи изъ четырехъ. Курсы въ этихъ училищахъ должны были идти концентрически, съ добавленіемъ новыхъ пред-

1) Статистику романовъ, появившихся въ XVIII вѣкѣ, см. въ статьѣ Сиповскаго: «Изъ исторіи русской литературы въ XVIII в.» въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, т. IV кн. I.

2) Русскіе мемуары, Пекарскаго, 88—89.

метовъ въ училищахъ среднихъ и главныхъ, съ методомъ преподаванія во всѣхъ училищахъ катехетическимъ, приучающимъ къ самодѣтельному мышленію. Впрочемъ, среднія училища ни прежде, ни послѣ не открывались: опытъ показалъ, что въ нихъ не было надобности.

Для образованія учителей основано было въ 1783 г. Главное народное училище въ Петербургѣ, которое въ 1786 г. преобразовано было въ Учительскую семинарію. Въ теченіе 1783—1786 годовъ открыты были малыя училища въ нѣкоторыхъ городахъ петербургской губерніи. Въ 1786 г. открыты были въ двадцати пяти великороссійскихъ губерніяхъ двадцать пять главныхъ народныхъ училищъ съ четырьмя преподавателями въ каждомъ: въ 1789 г. открыты были училища въ остальныхъ четырнадцати губерніяхъ, между прочимъ, въ новгородъ-сѣверской, кіевской и харьковской.

Составленіе руководствъ, какъ для учителей, такъ и для учениковъ, началось раньше—съ открытіемъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ въ 1782 г. Въ этомъ году уже напечатанъ былъ «Россійскій букварь», составленный извѣстнымъ педагогомъ Янковичемъ де Миріево, который вызванъ былъ изъ Австріи для организациі школьнаго дѣла въ Россіи. Тотъ же Янковичъ издалъ въ 1783 г. «Руководство учителямъ перваго и втораго класса». Для насъ особенно любопытно въ этомъ Руководствѣ замѣчаніе, совпадающее съ мнѣніемъ Бецкаго о преподаваніи русскаго языка. «Въ россійскихъ книгахъ, говоритъ Янковичъ, употребительны двѣ печати, а именно церковная и гражданская. Знаніе, какъ той, такъ и другой, равно всякому необходимо, а потому обучать должно обѣимъ вмѣстѣ. Но какъ въ ученіи начинать должно всегда съ самаго легкаго, а печать гражданская имѣетъ то преимущество, что она, какъ въ чтеніи и складахъ легче, такъ и въ азбукѣ простѣе и короче, то и должно начинать всегда съ печати гражданской»¹⁾. Преподавателю русскаго

1) Городскія училища въ царствованіе Екатерины II, гр. Д. Толстого, 1886, стр. 54.

языка Свѣтову поручено было составить учебникъ русской грамматики, а когда Свѣтовъ умеръ, то дѣло это поручено было профессору краснорѣчія въ московскомъ университетѣ Барсову, который въ 1785 г. представилъ въ Коммиссію объ учрежденіи училищъ этимологию, въ 1786 г.—отдѣлы о слоудареніи и правописаніи, въ 1788 г. синтаксисъ. Имѣя въ виду преподаваніе русскаго языка въ народныхъ школахъ, Барсовъ рѣшился отступить отъ основныхъ началъ грамматики Ломоносова: онъ возобновилъ мысль Тредьяковскаго о правописаніи по «звонамъ». Коммиссія однако же не согласилась съ этою мыслью, и трудъ Барсова не былъ напечатанъ. Къ сожалѣнію, онъ не напечатанъ до настоящаго времени ¹⁾, поэтому мы не можемъ судить о достоинствѣ его. Думаемъ только, что, ослабляя этимологическое начало въ правописаніи, Барсовъ имѣлъ въ виду дать преобладающее значеніе особенностямъ великорусскаго нарѣчія, которое только и было ему извѣстно. Конечно, по самому ходу исторіи, оно должно было занять въ литературной практикѣ первенствующее мѣсто, но это возможно было только подъ условіемъ соглашенія его съ грамматическими особенностями церковно-славянскій рѣчи, видоизмѣненной на почвѣ русскіхъ нарѣчій. Здѣсь была централизирующая сила, безъ которой невозможно было выдержать единство плана въ самомъ учрежденіи училищъ, поэтому неудивительно, что трудъ Барсова не былъ принятъ Коммиссіей объ учрежденіи училищъ.

Нужно еще и то сказать, что члены Коммиссіи, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный гр. Завадовскій, безъ сомнѣнія, были люди своего времени, и потому смотрѣли на народную массу, какъ на «чернь непросвѣщенну», изъ которой можно было лѣпить все, что угодно. Теоретическія вліянія философскаго вѣка выражались въ регламентаціи жизни: такъ было всюду въ Европѣ, такъ было и у насъ. Правда, въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина II заговорила объ «умоположеніи» русскаго народа,

¹⁾ Рукопись хранится въ московскомъ университетѣ (см. Біографическій словарь профессоръ моск. университета, стр. 58).

которое обусловлено было вѣрой, климатомъ, законами страны. Но это «умоположеніе» тоже было своего рода фикціей, а не плодомъ серьезнаго изученія народной жизни. Притягательная сила этой жизни дѣйствовала неотразимо, какъ стихія, но къ ней и относились, какъ къ стихіи, которою можно и должно было пользоваться для осуществленія проектовъ и плановъ теоретическаго свойства. Дѣлались попытки къ сближенію литературной рѣчи съ народною, но это было сближеніе разсчетливое, болѣе склонное регулировать народную рѣчь, чѣмъ подчиняться ея вліянію.

Извѣстно, что училища, заведенныя Екатериной II, по разнымъ причинамъ не могли процвѣтать. Ввѣрены они были попечительству губернаторовъ, которые завѣдывали ими при помощи Приказовъ общественаго призрѣнія. На эти Приказы возложены были заботы о матеріальныхъ нуждахъ училищъ, о помѣщеніи ихъ, о покупкѣ учебниковъ и т. п. Особыхъ денежныхъ средствъ на содержаніе училищъ не было назначено. Приказы же располагали средствами самыми незначительными. Приходилось прибѣгать къ благотворительности. Положеніе учителей было не обезпечено. Жалованье они получали ничтожное, и то—не всегда исправно, поэтому подъ разными предлогами они переходили въ другую службу. Однимъ словомъ, отъ широкихъ плановъ и предположеній о народномъ образованіи къ концу царствованія Екатерины II осталось очень немного...

Замѣчательно, что Коммиссія объ учрежденіи училищъ не установила курса для сельскихъ училищъ, и въ дѣйствительности они почти нигдѣ не были открыты. Все вниманіе правительства обращено было на города. Здѣсь-то и вырабатывался тотъ «средній родъ людей», о которомъ много говорили въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II. Думали въ то время создать этотъ родъ людей законодательнымъ путемъ. Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія (1766—1768) раздѣлила всѣхъ жителей государства на три рода—благородный или дворянскій, средній или мѣщанскій и нижній, заключающій въ себѣ всѣхъ,

питающихся отъ земледѣлія, скотоводства и разныхъ ловитвъ. Къ среднему роду она причислила бѣлое духовенство, ученыхъ, художниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, приказныхъ служителей, разночинцевъ и освобожденных¹⁾. Но это раздѣленіе вызвало неудовольствіе въ средѣ духовенства. Св. Синодъ ходатайствовалъ о причисленіи духовенства къ дворянскому роду, ссылаясь на то, что византійскими императорами духовные поставлены въ число благородныхъ,—что указомъ Петра Великаго дозволено вступать въ духовное званіе дворянамъ,—что малорусское духовенство считается наравнѣ съ чиновными шляхетнаго чина людьми²⁾.

Въ виду трудности создать «средній родъ людей» на законодательной почвѣ, пришлось перенести вопросъ объ этихъ людяхъ на воспитательную почву, которая казалась тогда болѣе воспримчивою и благодарною. Бецкій былъ убѣжденъ, что образованіе людей, взятыхъ «изъ подлости», не приноситъ надлежащей пользы, потому что вліяніе школы постоянно парализуется вліяніемъ невѣжественной семьи. Отсюда мысль о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для разныхъ сословій, кромѣ крестьянскаго. По мнѣнію Бецкаго и самой Екатерины II, изъ этихъ заведеній должна была выйти «средняя порода людей». Нравственныя черты этой породы указаны довольно обстоятельно, какъ въ официальныхъ докладахъ Бецкаго, такъ и вообще въ литературѣ того времени. Люди «новой породы» должны быть чужды предразсудковъ своего времени, а также и увлеченій мнимымъ просвѣщеніемъ. Они должны быть не столько учены, сколько добродѣтельны. Только подъ этимъ условіемъ они могутъ быть истинными гражданами своего отечества, ибо «наука въ развращенномъ сердцѣ, говоритъ Стародумъ въ комедіи «Недоросль», есть лютое оружіе дѣлать зло». Мысль эта, какъ извѣстно, вызвана была сознаніемъ, что профессиональное образованіе, введенное Петромъ Великимъ, само по себѣ несостоятельно,

что школа должна давать такъ называемое общее образованіе. Можно не раздѣлять убѣжденій того времени на счетъ пригодности средствъ для осуществленія этой мысли, но для насъ важно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что въ вѣкъ Екатерины II началъ обрисовываться и въ сознаніи, и въ жизни типъ средняго русскаго человѣка съ общимъ образованіемъ, которое получалось, какъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ открытыхъ городскихъ училищахъ. Это тотъ особый кругъ людей, который въ наше время называется иногда русской интеллигенціей, представляющей разные оттѣнки и степени образованія. Онъ есть прямой потомокъ «новой породы людей», которая возникла при Екатеринѣ II изъ сословій преимущественно городскихъ и вообще привилегированныхъ. Это какъ бы народъ въ народѣ, болѣе или менѣе далекій отъ простонародной массы по своему міровоззрѣнію, но не чуждый сознательныхъ и бессознательныхъ симпатій къ этой массѣ, какъ основѣ національной жизни.

Вотъ эта «новая порода людей» уже при Екатеринѣ II говорила языкомъ такъ называемаго образованнаго общества. Сама Государыня, по свидѣтельству одного изъ секретарей ея, «говорила порусски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя слова, которыхъ знала множество»¹⁾. Поэтому и литературную рѣчь она желала бы склонить ближе къ народной. Въ «Быляхъ и небылицахъ» она выразила это желаніе въ слѣдующихъ положеніяхъ: «1) кто писать будетъ, тому думать порусски; 2) иностранныя слова замѣнить русскими и изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ, ибо нашъ языкъ и безъ того богатъ; 3) ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ»²⁾. И дѣйствительно, въ сатирическихъ изданіяхъ времени Екатерины II черты народной великорусской рѣчи высту-

1) Исторія Россійской Академіи, Сухомлинова, 34.

2) Тамъ же.

1) Сочиненія императрицы Екатерины II, А. Н. Пыпина, Предисловіе, XLVI.

2) Сочиненія Екатерины Великой, т. II, стр. 125.

паютъ довольно ярко, но онѣ не сплелись еще въ одно органическое цѣлое съ книжными словами и оборотами рѣчи, «средній штиль», по теоріи Ломоносова, не получилъ еще надлежащей «равности». Чѣмъ ближе къ эпохѣ Карамзина, тѣмъ болѣе сглаживаются разнородныя стихіи рѣчи, тѣмъ яснѣе выступаютъ черты современнаго намъ литературнаго языка, который стоитъ въ срединѣ между народнымъ великорусскимъ и книжнымъ. Въ особенности это нужно сказать о языкѣ всѣхъ изданій Новикова, который стоялъ во главѣ массонскаго движенія въ первую эпоху его появленія въ Россіи, когда оно не успѣло еще получить болѣе позднюю реакціонную окраску. Извѣстно, что по переѣздѣ въ Москву (1779) Новиковъ взялъ на откупъ университетскую типографію на десять лѣтъ, а послѣ дозволенія открывать вольныя типографіи (1783) подъ его вліяніемъ образовалась «Типографическая компанія» (1784), которая выпустила огромную массу книгъ отчасти общеобразовательнаго, отчасти мистическаго содержанія. Чтобы судить о размѣрахъ этой просвѣтительной дѣятельности, достаточно вспомнить сообщеніе Карамзина, что до появленія Новикова въ Москвѣ всего было въ этомъ городѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали и на 10 тысячъ рублей, а благодаря энергіи Новикова, явилось двадцать книжныхъ лавокъ и всѣ вмѣстѣ выручали онѣ ежегодно около 200 тысячъ рублей. Книжныя лавки заведены были и въ другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Да и самъ Карамзинъ сформировалъ литературныя вкусы и понятія свои въ «Дружескомъ обществѣ», основанномъ въ 1782 г. тѣмъ же Новиковымъ. «Стоитъ составить по годамъ раціональный каталогъ всѣхъ изданныхъ компаніей Новикова трудовъ, говоритъ Тимковскій, свидѣтель этой эпохи, чтобы увидѣть, какое обдуманное движеніе дано было литературѣ, слогу и слову. Это настоящая съ тѣмъ именемъ эпоха преобразования языка, невѣдущими относимая на одно лице Карамзина, который былъ тамъ молодымъ сотрудникомъ»¹⁾.

1) Москвитянинъ, 1851, № 9—10, стр. 41.

Мы прослѣдили исторію образованія литературной русской рѣчи въ трехъ главныхъ ея моментахъ—при Петрѣ Великомъ, при Елисаветѣ Петровнѣ и при Екатеринѣ II. Мы видѣли, что въ основѣ перваго изъ нихъ лежитъ главнымъ образомъ дѣятельность малорусскихъ писателей, вызванныхъ Петромъ Великимъ на сѣверъ,—что при Елисаветѣ Петровнѣ продолжателемъ этой дѣятельности въ великорусскомъ направленіи былъ Ломоносовъ,—что при Екатеринѣ II послѣдователи Ломоносова, не отступая отъ руководящихъ началъ, предложенныхъ въ его грамматикѣ, стремились къ уравнию разнообразныхъ стихій «россійскаго» языка, къ устраненію границы, отдѣляющей книжную рѣчь отъ разговорной, къ низведенію книжной рѣчи до разговорной, и обратно—къ поднятію этой послѣдней до рѣчи книжной.

По мѣрѣ приближенія къ концу XVIII вѣка литературная производительность на сѣверѣ Россіи увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературный русскій языкъ все болѣе и болѣе становится притягательной силой и въ Малороссіи¹⁾.

П. ЖИТЕЦКІЙ.

Кіевъ, 1902, февраля 16.

1) Подробности объ этомъ — въ книгѣ нашей: «Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея», гл. V и VIII.